УНИВ. БИБЛИОТЕКА
И. Бр. 23692

САНЪ-СТЕФАНО И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

въ февралѣ 1878 г.

Очерки и замѣтки князя В. Д. Дабижа.

[Оттиски изъ историческаго журнала „Русская Старина“ изд. 1888 г.].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининск. кан., 78.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1-го іюня 1888 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Одессы. — Ночь на крейсерѣ „Ливадія". — Сулина.— 26 февраля.—Приближеніе къ столицѣ султановъ. . . . . 2 — 5

ГЛАВА II.

Берега Босфора и Константинополь съ моря.—Укрѣпленія.—Пріѣздъ въ С.-Стефано.—Представленія. — Внѣшность города. — Первыя впечатлѣнія.—Помѣщенія въ домахъ и въ палаткахъ. . . . . 6 — 8

ГЛАВА III.

Поиски за квартирой. — Какъ проводятъ время въ С.-Стефано.— Площадь улицы, магазины. — Вечернія бесѣды. . . . . 9 — 11

ГЛАВА IV.

Константинополь. — Отдѣльныя части. — Уличное населеніе. — Поѣздки на каикѣ.—Дворцы.—Азіятскій берегъ . . . . . 12 — 16

ГЛАВА V.

Собиратели новостей.—Мои знакомцы Яни Манейя и Ѳедоръ Николаевичъ.—Обѣдъ въ греческомъ ресторанѣ.—Фруктовыя лавки . 17 — 19

ГЛАВА VI.

Вопросы о происхожденіи болгаръ.—Ихъ разселеніе.—Стремленіе къ независимости.—Болгарскіе дѣятели.—Образованіе и школы.— Церковный вопросъ. — Численность. — Наружность. — Характеръ.—Отношеніе болгаръ къ русскимъ во время войны . . . 20 — 25

ГЛАВА VII.

Болгарскія села и жилища. — Ярмарки. — Развлеченія. — Народныя пѣсни.—Болгаре-помаки.—Народное благосостояніе . . . . . 26 — 30

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА VIII.

Ожидали ли насъ въ Константинополѣ? — Возвращеніе въ С.-Стефано по желѣзной дорогѣ. — Остатки стѣнъ Византіи. — Князь В. А. Черкасскій, какъ устроитель Болгаріи. . . . . 31 — 37

ГЛАВА IX.

Предполагающееся свиданіе великаго князя главнокомандующаго съ султаномъ.—Контрактъ съ Р. Общ. Пароходства и Торговли о перевозкѣ войскъ. — Поѣздка въ Константинополь. — Болгарскій патріотъ и мечты о будущности славянства . . . . . 38 — 44

ГЛАВА X.

Святая Софія. — Византійскій гипподромъ и теперешній Атмейданъ.—Мечеть Баязида.—Кровавая расправа съ болгарами. . . 45 — 55

ГЛАВА XI.

Константинопольскія вѣсти. — Рыбный рынокъ. — Истомбольскій базаръ и его обитатели. — Денежные знаки . . . . . 5 6— 62

ГЛАВА XII.

Мѣстная политика. — Желѣзные дома англичанъ. — Фанаръ.—Греческая аристократія.—Физіономія улицъ.—Патріаршая церковь . 63— 68

ГЛАВА XIII.

Образованность турокъ.—Учебныя заведенія.—Книгохранилища и книжные магазины. — Газеты . . . . . 69 — 72

ГЛАВА XIV.

Отъѣздъ изъ Константинополя.—Немного политики на прощанье.— Пароходъ „Юнона“. — Прибытіе въ Одессу . . . . . 73 — 76

САНЪ-СТЕФАНО И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1878 г.

Замѣтки князя В. Д. Дабижа.

«Замѣтки изъ прошлаго», относящіяся къ пребыванію нашихъ войскъ подъ стѣнами Константинополя и набросанныя налету, подъ живымъ впечатлѣніемъ событій и окружавшей ихъ обстановки, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могли быть своевременно напечатаны. Теперь, по истеченіи десяти лѣтъ послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, возникшее въ Болгаріи движеніе воскрешаетъ славную эпоху торжества русскаго оружія). Являются снова во всей реальной яркости красокъ тѣ же событія и выдвигаются, точно въ волшебномъ фонарѣ, чудный городъ, куда съ такимъ нетерпѣніемъ стремились помыслы каждаго русскаго, какъ къ окончательной цѣли и какъ къ логическому завершенію столь блистательно пройденнаго пути... Быть можетъ, воспоминаніе объ этомъ исполненномъ надеждъ времени заставитъ найти нѣкоторый интересъ и въ «Замѣткахъ изъ прошлаго».

Князь В. Д. Дабижа.

1887 г. Спб.

На берегу Мраморнаго моря.

I.

Отъѣздъ изъ Одессы.—Ночь на крейсерѣ „Ливадія“.—Сулина.—26 февраля.—Приближеніе къ столицѣ султановъ.

Въ 11 часовъ ночи на военномъ крейсерѣ «Ливадія» все было готово, чтобы сняться съ якоря. Съ капитанской площадки раздался отрывистый голосъ команды. Въ воздухѣ пронесся рѣзкій свистъ, за которымъ послышалось нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ машины. Колеса завертѣлись, шумно взбивая воду, и пароходъ понесся легко и стройно, держа курсъ на Сулину.

Ночь была звѣздная, тихая. Въ морѣ ни малѣйшей зыби. Но на душѣ было тяжело. Нигдѣ такъ не обнимаетъ человѣка неизвѣстность, какъ среди водяной стихіи: кругомъ безпредѣльность, внизу пучина. Темнота еще болѣе усиливаетъ тревожное чувство, придавая всему чудовищные размѣры и облекая каждый предметъ таинственностію. Слышится какой-то шепотъ, исполненный враждебныхъ замысловъ, и руки невольно протягиваются къ виднѣющейся еще на горизонтѣ черной полосѣ роднаго берега: тамъ все близкое къ сердцу, тамъ поддержка и утѣшеніе... На вахтѣ раздался звукъ колокола и безъотвѣтно замеръ въ ночной тишинѣ, нарушаемой ударами колесъ и мѣрными шагами часовыхъ.

Между тѣмъ въ каютъ-компаніи было свѣтло и пріятно. Вокругъ стола, на которомъ весело шипѣлъ самоваръ, собрались главный командиръ Черноморскаго флота генералъ-адъютантъ Аркасъ, капитанъ «Ливадіи» флигель-адъютантъ Кроунъ и офицеры. Бесѣда шла живая, ничѣмъ не сдержанная, точно бесѣда между членами родной семьи. Говорили о недавнихъ подвигахъ нашихъ моряковъ, о чудесномъ переходѣ русской арміи черезъ Балканскія горы, объ освобожденіи болгаръ, о свѣтлой будущности славянства и о предстоящемъ мирѣ: говорили, однимъ словомъ, о томъ, что въ это время заставляло биться сердце каждаго русскаго; подъ стѣнами-ли Константинополя, въ необозримыхъ-ли равнинахъ Россіи, или же на безбрежныхъ водахъ морей,—вездѣ и надъ всѣмъ господствовали одни и тѣ же чувства: сознаніе блестяще достигнутой великой цѣли и своего политическаго могущества, направленнаго къ торжеству правды. Такъ продолжалась общая бесѣда далеко за полночь и стихла только при мысли, что завтрашнее пробужденіе приблизитъ насъ къ

мѣстамъ славы русскаго имени. Во очію мы будемъ созерцать то, что доселѣ составляло предметъ нашихъ восторженныхъ стремленій, изъ разныхъ мѣстъ нашей отдаленной родины.

На другой день, въ 9 ч. утра, нашъ крейсеръ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ бросилъ якорь у Сулина, но на такомъ большомъ разстояніи, что нельзя было видѣть ни города, ни недавно возведенныхъ турками укрѣпленій. Только однѣ волны темнаго, стальнаго цвѣта катились къ берегу и, разбиваясь о него, обозначали бѣлою пѣнистою полосою его углубленія и самое устье Дуная. Пока мы всматривались въ даль, на горизонтѣ показалась шлюпка, правившая на Ливадію. Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ на ней можно было разсмотрѣть русскій флагъ и лица въ русской морской формѣ. Это были офицеры отряда, недавно занявшаго Сулину, согласно съ условіями перемирія. Они прибыли къ главному начальнику Черноморскаго флота. Изъ ихъ разсказовъ мы узнали, что въ Сулинѣ находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи турецкій вице-адмиралъ Реуфъ-паша: безъ копѣйки денегъ и безъ пуда угля! А между тѣмъ ему приказано немедленно прибыть въ Константинополь... Реуфъ-паша намѣревался посѣтить генералъ-адъютанта Аркаса и просить у него помощи. Но нашъ пароходъ, имѣвшій экстренное назначеніе, не могъ ожидать. И едва только отчалила шлюпка съ храбрыми моряками, какъ раздалась команда... Тяжело повисъ на своихъ цѣпяхъ якорь, блистая на солнцѣ еще не опавшими каплями воды и пароходъ понесся по направленію къ Босфору.

Въ тихую погоду море, точно песчаная пустыня, не представляетъ особеннаго разнообразія. Пароходъ рѣжетъ его своею могучею грудью, оставляя за собою на зеленоватой синевѣ серебристую полосу, которая, какъ вновь проложенная дорога, долго сохраняетъ его слѣдъ. Стада дельфиновъ, выказывая свои черныя спины, выныряя и опрокидываясь, стараются обогнать насъ. А въ сторонѣ морскія чайки, послушныя малѣйшему дуновенію вѣтра, легкія, игривыя, блестятъ серебристою бѣлизною на синевѣ неба, или же, быстро спускаясь, едва касаются поверхности водъ и снова улетаютъ въ горнюю высь, оглашая воздухъ какимъ-то болѣзненнымъ воплемъ... Вотъ и все. За то глазъ наблюдателя, ничѣмъ не развлекаемый, можетъ точнѣе распознавать, что выдѣляется изъ этого однообразія картины. Каждая точка на горизонтѣ, черный-ли это обломокъ судна, сдѣлавшагося жертвою стихіи, озолоченный-ли лучами солнца парусъ,—ничто не ускользаетъ отъ вниманія моряка и все имѣетъ для него значеніе. То и дѣло вахтенные дежурные, вооруженные зрительными трубками, остатриваютъ все видимое пространство и немедленно извѣщаютъ капитана о томъ, что ими замѣчено

Понятно, что при этихъ условіяхъ у моряковъ должны необыкновенно развиться зрѣніе и наблюдательность. Каждую минуту имъ слѣдуетъ быть готовыми ко всѣмъ случайностямъ: враждебное-ли то настроеніе стихіи, или же появленіе непріятеля. При этомъ невольно приходятъ на память тѣ отдаленныя времена, когда человѣкъ еще не зналъ о теперешнихъ средствахъ борьбы; когда у него не было компаса, когда ему неизвѣстна была сила пара и когда самое пылкое воображеніе не могло допустить существованія пушекъ Крупа,— этихъ страшныхъ орудій защиты и разрушенія... Бѣдный злополучный Одиссей! Онъ долго былъ игралищемъ стихій и своихъ дѣтскихъ вымысловъ, постоянно создававшихъ на пути его новыя чудовища и новые страхи!...

Въ 11 часовъ служащіе собрались въ парадной формѣ, въ походной церкви, чтобы выслушать молебствіе по случаю дня рожденія государя наслѣдника. Молитвы произносились однимъ изъ офицеровъ (кн. П...ъ), а обычное пѣніе исполнялось хоромъ матросовъ. При поднятіи флага цесаревича, изъ орудій сдѣланъ положенный салютъ. Громовыми ударами пронеслись голоса нашихъ пушекъ по гладкой поверхности водъ и гдѣ-то, въ сторонѣ, отразились эхомъ. Но страшные врагамъ, теперь они извѣщаютъ о мирномъ торжествѣ, связанномъ съ дорогимъ для каждаго русскаго именемъ, съ которымъ хочется также соединить на землѣ миръ и въ человѣцехъ благоволеніе.

На Ливадіи, по принятому обыкновенію, въ 1 ч. завтракаютъ, а въ 5 ч. обѣдаютъ. Прекрасно приготовленный столъ много выигрывалъ отъ любезности нашихъ хозяевъ. Огражденные стѣнами судна, мы невольно сблизились между собою. Всякая натяжка и церемонность показались бы неумѣстными. И снова пошла дружеская бесѣда, среди которой незамѣтно летѣло время. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ, возвѣщавшихъ наступленіе полуночи, всѣ разошлись по каютамъ, собираясь пораньше встать, чтобы видѣть Босфоръ и Константинополь во всей ихъ красѣ.

Входъ въ Босфоръ началъ обрисовываться около 7-ми часовъ утра. По разсчету, мы находились отъ него еще на разстояніи 20 миль; но уже на горизонтѣ обозначились двѣ синія, прозрачныя скалы, представлявшіяся столбами исполинскихъ воротъ. Это дѣйствительно ворота; они даютъ естественный выходъ водамъ Чернаго моря. Но въ преданіяхъ народовъ сохранилось воспоминаніе, когда это море, прежде Понтъ Эвксинскій, было закрыто съ юга. Въ него вливались чрезъ Киммерійскій Босфоръ (Керченскій пр.) воды Меотійскаго моря (Азовское море), которое древніе называли матерью Понта.

Matrem Ponti perhibent Moeotidis undam
Scilicet hic Ponti vis exit gurgite vasto,
Cimmericum torrens per Bosphorum.
(E. Dionisio, Prisciani perieg. v. 155).

А Меотійское море, въ свою очередь, питалось безпредѣльнымъ Скиѳскимъ океаномъ, занимавшимъ все пространство Россіи и, быть можетъ, доходившимъ до полюса. Рано или поздно эта масса водъ должна была найти выходъ для себя. И это случилось, когда уровень скиѳскаго океана былъ приподнятъ, повинуясь какой-то внутренней механической силѣ. Громадною волною, занявшею пространство между горъ Кавказскихъ и Ѳракійскихъ, устремились воды съ сѣвера, разрушая на пути естественныя препятствія, людей и ихъ поселенія, Затопивъ низменныя мѣста по берегамъ Европы и Азіи, они прорвали себѣ выходъ и вылились въ болѣе свободное вмѣстилище Средиземнаго моря. У всѣхъ народовъ, когда-то обитавшихъ по берегамъ Понта, сохранилось въ той или другой формѣ воспоминаніе объ этомъ страшномъ событіи.

Но пока воображеніе уносило насъ въ отдаленныя доисторическія времена, пароходъ все болѣе и болѣе приближался къ цѣли нашего странствованія и, облегчаемый быстротою теченія, влетѣлъ въ Босфоръ.

II.

Берега Босфора и Константинополь съ моря.—Укрѣпленія. — Пріѣздъ въ С.-Стефано.—Представленія.—Внѣшность города. — Первыя впечатлѣнія. — Помѣщенія въ домахъ и въ палаткахъ.

Никакое описаніе не въ состояніи изобразить величественной картины Босфора! По обѣ стороны пролива выступаютъ колоссальныя развалины башень Баязида-Ильдирима и Магомета II—Гюзель-Гиссаръ и Богазкезенъ. Это тѣ башни, которыми началось наступленіе турокъ на Византію. За ними мало по малу выдвигаются на европейской сторонѣ Буюкъдере, Терапія, Ортакіой, Бешикташъ, съ рядомъ бѣломраморныхъ дворцовъ. Легкія, какъ видѣнія, эти сооруженія, украшенныя затѣйливою, чисто кружевною, рѣзьбою и опоясанныя золоченными рѣшетками, точно выходятъ изъ моря. Позади ихъ сплошная масса платановъ, кипарисовъ и итальянскихъ пиннъ, на темной зелени которыхъ бѣлизна мрамора выступаетъ еще ярче. Еще нѣсколько поворотовъ колесъ, еще нѣсколько усилій машины и весь городъ разстилается волнообразными уступами. Надъ нимъ подымаются куполы безчисленныхъ мечетей съ ихъ иглообразными минаретами, далеко уносящимися въ небо. И все это: дворцы зданія, мечети и минареты, съ стѣною зелени позади, повторяется въ бирюзовыхъ водахъ моря, но только въ обращенномъ видѣ! На азіятскомъ берегу тѣ-же бѣломраморныя изваянія. Каждый выдающійся мысъ, каждая выставившаяся скала служитъ подножіемъ зданія. Тамъ же бѣлѣетъ и классическая башня Леандра. И на томъ берегу та-же роскошная зелень, сливающаяся съ синевою горъ. Все легко и прозрачно, и все располагаетъ зрителя къ самымъ отраднымъ и вмѣстѣ торжественнымъ ощущеніямъ.

Босфоръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ, при входѣ въ Мраморное море, не имѣетъ болѣе версты, но къ выходу въ Черное море онъ гораздо уже. Теченіе его очень быстро и постоянно мѣняется, переходя отъ одного берега къ другому [1]). Мы не замѣтили особенно сильныхъ укрѣпленій ни по количеству орудій, ни по ихъ размѣрамъ. Только на азіятской сторонѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія полукруглая батарея, обстрѣливающая проливъ по всѣмъ направленіямъ. На этой

---

[1]) См. Опись капитана 1-го ранга М. Манганари.—Проливъ Константинопольскій, 1848 г.

батареѣ мы успѣли сосчитать 36 орудій, повидимому, 12-ти дюймоваго калибра.

При входѣ въ Босфоръ приказано было опустить вице-адмиральскій флагъ, развѣвавшійся на нашемъ крейсерѣ. Тихо, какъ бы не желая быть замѣченными, мы миновали укрѣпленія. Что это значитъ? Для чего мы уклонились отъ почестей, которыя съ гордостью принимаютъ военные флаги всѣхъ государствъ? И не дастъ ли наша непостижимая скромность повода къ заключенію о нашемъ безсиліи?

Оставивъ позади Золотой Рогъ и обогнувъ мысъ Сераля, Ливадія направилась къ С.-Стефано, отлогій берегъ котораго уже начиналъ обозначаться. На крейсерѣ начали готовиться къ ожидаемому представленію: чистилась палуба, убирались чахлы съ орудій, служащіе надѣвали мундирное платье: сюртукъ, большіе до колѣнъ сапоги, фуражку, самые необходимые ордена и оружіе по роду службы. Ровно въ 10 ч. утра мы стали на рейдѣ и уже собирались сѣсть въ ожидавшіе насъ дымящіеся катера. Какъ вдругъ сигналъ съ пристани: «пріостановиться, Великій Князь Главнокомандующій тотчасъ прибудетъ на пароходъ». Каждый занялъ свое мѣсто, команда выстроилась и черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли высокаго посѣтителя. «Какъ отрадно ступить на русское судно: точно стоишь на родной землѣ», были первыя слова его,—слова, въ которыхъ чувствовалось невольное воспоминаніе о жизни, исполненной всевозможныхъ лишеній и тревогъ и въ то-же время дышащія неудержимой любовью къ давно покинутой родинѣ. Слѣды испытанныхъ страданій, физическихъ и нравственныхъ, замѣтны были на лицѣ Великаго Князя. Онъ похудѣлъ и постарѣлъ; прибавилось сѣдыхъ волосъ и морщинъ, этихъ несомнѣнныхъ спутниковъ тяжелыхъ тревогъ. Поговоривъ съ каждымъ съ свойственною ему ободряющею ласкою, Великій Князь поздоровался съ командою, посмотрѣлъ быстроту приготовленія орудій къ бою, обошелъ всѣ части парохода и сошелъ на берегъ вмѣстѣ съ главнымъ командиромъ черноморскаго флота.

С.-Стефано небольшой городокъ, въ 15-верстномъ разстояніи отъ Константинополя, расположенный на низменномъ берегу Мраморнаго моря. Напротивъ него синѣютъ Принцевы острова, а за ними, на горизонтѣ, подымаетъ свою убѣленную снѣговыми сѣдинами голову Олимпъ. Въ С.-Стефано есть хорошіе дома, въ особенности по берегу, съ небольшими садиками и мраморными терассами, спускающимися къ морю. Въ обыкновенное время, въ сезонъ купанья, привлекающій богатыхъ перотовъ, тамъ должно быть очень хорошо. Но теперь, когда война коснулась и этого мирнаго уголка, когда по улицамъ то и дѣло проходятъ войска и двигаются тысячи подводъ, С.-Сте-

фано, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, неузнаваемъ. Онъ представляетъ болото, въ которомъ тонутъ дома и люди, и отъ котораго не спасаетъ никакая обувь. Всѣ расхаживаютъ по немъ въ грязи по колѣна, отъ солдата и до генерала, и такъ идутъ, не стѣсняясь, и къ Великому Князю. Извощиковъ нѣтъ, развѣ кто выпишетъ за большія деньги изъ Константинополя. Въ С.-Стефано и вокругъ расположено 40,000 войска. Можно себѣ представить, какая тѣснота въ городѣ, который можетъ вмѣстить не болѣе двухъ, трехъ тысячъ человѣкъ! Немудрено, что многіе жители должны были выѣхать и уступить свои дома непрошеннымъ гостямъ. Но и это мало помогало. Только немногіе высшіе чины имѣли помѣщеніе всего въ одну комнату, которая была и спальнею, и пріемною, и рабочимъ кабинетомъ, и складомъ для вещей. На время пріѣзжавшіе генералы помѣщались гдѣ-нибудь по 4 и по 5 человѣкъ вмѣстѣ. Но à la guerre, comme à la guerre! Только въ очень немногихъ домахъ есть калориферы; въ другихъ даже нѣтъ и каминовъ. А между тѣмъ наружная температура понижается ночью до нуля!.. Когда въ комнатѣ сдѣлается нестерпимо холодно, вносятъ жаровню (мангалъ), наполненную раскаленнымъ деревяннымъ углемъ. И тутъ приходится выбирать между холодомъ и угаромъ... Но если такія неудобства терпятъ люди, имѣющіе всѣ средства сдѣлать ихъ, по возможности, менѣе чувствительными, то что же приходится на долю солдатъ? Въ изорванныхъ шинеляхъ и почти безъ обуви, но все таки смотрящіе молодцами, они только ползкомъ могутъ забраться въ свои палатки, разбитыя въ той-же грязи. Дождь-ливень идетъ день и ночь, насквозь пронизываетъ эти тантъ-абри и леденитъ воздухъ. Но русскій солдатъ выноситъ и эту невзгоду также геройски, какъ онъ выносилъ плевненскую осаду и зимнія вьюги на Шипкѣ и во время перехода черезъ Балканы! Намъ объясняли, что эти палатки заимствованы у французовъ. Каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ кусковъ полотна, которые въ походѣ солдаты несутъ на себѣ. Конечно, это большое удобство при быстрыхъ передвиженіяхъ, когда тяжести не могутъ поспѣвать. Но тѣмъ не менѣе завидно смотрѣть на стоящія невдалекѣ палатки турецкаго лагеря, высокія, просторныя и покрытыя непроницаемымъ для дождя составомъ. Впрочемъ, говорятъ, что скоро и нашимъ солдатамъ нечему будетъ завидовать туркамъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи одежды и обуви: надняхъ ожидаются суда съ вещами для полковъ, расположенныхъ по берегу Мраморнаго моря. Эти вещи, по какой-то странной случайности, сначала попали въ Бургасъ и были тамъ выгружены.

III.

Поиски за квартирой.—Какъ проводятъ время въ С.-Стефано. — Площадь улицы, магазины.—Вечернія бесѣды.

Наступило время проститься съ «Ливадіей» и съ ея любезнымъ, всегда памятнымъ, гостепріимствомъ. Пожавъ отъ души руку капитана и поблагодаривъ его товарищей за нѣсколько пріятныхъ дней, проведенныхъ въ ихъ просвѣщенномъ кругу, я съѣхалъ на берегъ и обратился къ коменданту главной квартиры съ просьбой о назначеніи мнѣ помѣщенія. «Помилуйте, что мнѣ дѣлать? Въ городѣ нѣтъ пустаго угла. Видите, въ моей комнатѣ помѣщается пять генераловъ. Я рѣшительно не знаю какъ быть...». Генералъ Ш., повидимому, былъ въ отчаяніи, которое должно было сообщиться и мнѣ, такъ какъ послѣ его словъ оставалось одно: устроиться подъ открытымъ небомъ. Но, къ моему благополучію, коменданта вдругъ осѣнила счастливая мысль. «Знаете что, обратился онъ ко мнѣ, здѣсь есть одинъ господинъ, чрезвычайно враждебно настроенный къ намъ: я васъ помѣщу у него». И вслѣдъ за этимъ приказалъ позвать квартирмейстера. Какъ ни непріятно исполнять роль какой-то экзекуціи, но la nécessité fait loi, какъ говорятъ французы, и я побрелъ по с.-стефанской грязи, слѣдуя за лицемъ, которому была поручена моя судьба. Квартирмейстеръ маленькій и толстенькій офицеръ, сознался мнѣ на пути, что онъ, кромѣ своего роднаго, русскаго языка, другаго не знаетъ, и что поэтому всегда находится въ страшномъ затрудненіи, когда ему дѣлаютъ подобныя порученія. Входимъ мы въ большой домъ, и насъ встрѣчаютъ гг. Шнейдеръ, австрійцы по происхожденію, служащіе въ турецкой администраціи. Понятно, что имъ было не совсѣмъ пріятно помѣщать у себя незнакомаго человѣка, а тѣмъ болѣе принадлежащаго къ враждебному лагерю. Но мы объяснились. Я нашелъ въ нихъ людей образованныхъ. Въ результатѣ я получилъ большую комнату съ прекраснымъ видомъ на море. Я слышу прибой волнъ, мѣрно раздающійся, точно удары маятника, и вижу величественныя очертанія Олимпа, возобновляющаго въ моей памяти небожителей древняго міра. И если бы не исполненное слишкомъ большихъ тревогъ настоящее, то здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, можно было бы надолго отдохнуть, уносясь воображеніемъ къ свѣтлымъ и успокоивающимъ идеаламъ прекраснаго прошедшаго!..

Какъ проводятъ время въ С.-Стефано? Утро у всѣхъ посвящается дѣлу. Идутъ различные доклады, дѣлаются распредѣленія войскъ,

происходятъ смотры. Если выдается свѣтлый день и нейдетъ дождь (такихъ дней было очень немного въ теченіе февраля), то къ часу площадь передъ помѣщеніемъ вел. кн. главнокомандующаго начинаетъ оживляться. Тутъ можно встрѣтить всѣхъ. Генералы: Скобелевъ, Гурко, Раухъ, гр. Шуваловъ, Радецкій и другіе, пріобрѣвшіе громкую славу русскому оружію, съ бѣлыми крестами и съ мужественными загорѣлыми лицами, идутъ къ главнокомандующему. Спустя немного, за ними направляется представитель нашей дипломатіи.

На подъѣздѣ у дворца показываются дежурные, адъютанты и между ними внушительная фигура черногорца, тѣлохранителя великаго князя, въ расшитой золотомъ одеждѣ, украшеннаго орденами и медалями, съ страшнымъ запасомъ всякаго оружія и съ еще болѣе страшными длинными-предлинными усами. Самые разнообразные мундиры, армейскіе и гвардейскіе, русскіе и иностранные, снуютъ по всѣмъ направленіямъ. Часовые не успѣваютъ дѣлать на караулъ. Въ сторонѣ стоитъ группа мѣстныхъ жителей, мужчинъ и женщинъ; они не скрываютъ своего удивленія при видѣ совершенно новаго для нихъ зрѣлища.

Понемногу наполняется площадь. Вотъ привели арабскую лошадь, и продавцы стараются выказать ея качества передъ офицерами. Немного далѣе персіянинъ разослалъ коверъ и разложилъ на немъ обложенные серебромъ ятаганы, мелкія золотыя вещи, разные амулеты, шелковые платки и т. п. Тутъ же маленькая деревянная лавочка, въ которой ловкій армянинъ завлекаетъ покупателей дешевизною продаваемыхъ имъ драгоцѣнныхъ камней. У него же выставка фотографическихъ портретовъ константинопольскихъ красавицъ. А вотъ и русскій магазинъ купца Смурова, съ нѣсколькими кусочками высохшаго сыру, двумя, тремя ящиками промокшихъ галетъ, или заплеснѣвшей пастилы. Тамъ же какая-то трава, отзывающаяся запахомъ сѣнной трухи и продаваемая подъ названіемъ чая по 2 р. за $^1/_4$ фунта! И неужели это все, что осталось отъ тѣхъ товариществъ для снабженія нашей арміи, которыя съ такими громкими рекламами организовались въ Одессѣ и въ Москвѣ... Кто только ни шелъ въ эти товарищества? Ужъ на что спеціалисты науки, казалось, были далеки отъ этого рода дѣятельности; но надежда на быстрое обогащеніе заставила одного профессора университета промѣнять наблюденія въ астрономической башнѣ и рефракторъ на наблюденія за кулями овса и муки... Изъ Москвы устремились на милліонное дѣло люди, дотолѣ не выѣзжавшіе изъ Бѣлокаменной, смиренные чиновники, числившіеся по благотворительнымъ учрежденіямъ, громко обѣщая благотворить арміи, прожившіеся помѣщики, военные и

юристы... Одинъ изъ нихъ говорилъ, что ихъ товарищество будетъ доставлять сухари на славу, что твой бархатъ! И всѣ эти благія намѣренія, бархатные сухари, какъ и многообѣщавшія товарищества, превратились въ ничто, пошли прахомъ... Около 2 часовъ наступаетъ время обѣда. Лица, принадлежащія къ главной квартирѣ, пользуются гостепріимнымъ радушіемъ главнокомандующаго; у великаго князя обыкновенно садится за столъ отъ 150 до 180 человѣкъ, размѣщающихся въ нѣсколькихъ залахъ. Можно также найти весьма сносный обѣдъ, и не очень дорогой, въ ресторанахъ, переселившихся изъ Константинополя. Къ вечеру, гдѣ нибудь играетъ хоръ трубачей, большею частью мотивы изъ итальянскихъ оперъ. Но иногда раздается и русская пѣсня, отъ которой дѣлается и сладко, и вмѣстѣ больно стосковавшемуся русскому сердцу. Вечеръ посвящается пріятельскимъ сходкамъ, на которыхъ происходитъ большею частью обмѣнъ мыслей о томъ, что было и что еще будетъ. О томъ же, что прежде называлось кутежами, о розливанномъ морѣ вина и баснословныхъ суммахъ, проигрываемыхъ въ карты, какъ-то мало слышно, хотя у всѣхъ не мало денегъ. Люди невольно сдѣлались серьезнѣе, ставши лицомъ къ лицу съ серьезными событіями.

О чемъ же говорятъ на этихъ сходкахъ?

Говорятъ о понесенныхъ трудахъ, о достигнутыхъ блестящихъ военныхъ успѣхахъ. Говорятъ, что переходъ черезъ Балканы и уничтоженіе турецкой арміи дѣлаютъ честь не только мужеству русскихъ солдатъ, но и способностямъ русскихъ генераловъ. Было глубоко разсчитано все значеніе нашей зимней кампаніи не только въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Шипкинскіе герои, окруженные турками, были освобождены, турецкія войска разсѣяны и все пространство забалканской Болгаріи было очищено, такъ сказать, однимъ ударомъ. Въ политическомъ отношеніи наши постоянные противники были ошеломлены этимъ изумительнымъ успѣхомъ: захваченные въ расплохъ, они не были готовы противостоять намъ силою и волею неволею пошли-бы на всевозможныя уступки, если-бы увидѣли у насъ ту-же энергію до конца. Но совершенный конецъ, къ несчастью, не былъ достоинъ начала....

Вспоминали, какъ русская армія хотѣла и могла занять Галиполи, запереть входъ въ Дарданельскій проливъ; но это не совершилось. И тѣмъ, отъ чего мы, неизвѣстно по какимъ причинамъ, отказались, завладѣли англичане. Никѣмъ не останавливаемые, они ввели свой флотъ въ Мраморное море и готовятся отнять отъ насъ плоды нашихъ побѣдъ.

И много высказывалось горькихъ рѣчей подъ вліяніемъ наболѣвшаго, неудовлетвореннаго послѣдними событіями чувства...

IV.

Константинополь. — Отдѣльныя части. — Уличное населеніе.—Поѣздки на каикѣ.—Дворцы.—Азіятскій берегъ.

Отъ С.-Стефано до Константинополя всего $^3/_4$ часа ѣзды. Четыре раза въ день поддерживается между ними сообщеніе пароходами франко-турецкой компаніи «Мессудіе» и три раза по желѣзной дорогѣ. Появленіе русскаго въ столицѣ султановъ пока еще составляетъ рѣдкость. Военные могутъ бывать тамъ только по особому разрѣшенію своего начальства, и при томъ не иначе, какъ въ гражданскомъ платьѣ. Мнѣ никто не могъ объяснить этой мѣры. Заплативъ одинъ франкъ за мѣсто 1-го класса на пароходѣ, наполненномъ всякимъ народомъ и загроможденномъ тюками, я умостился на палубѣ. Вокругъ меня постоянно раздавался русскій говоръ. Это были поставщики, маркитанты и разные гешефтмахеры, справлявшіеся другъ у друга о цѣнахъ. Гарсонъ въ замасленномъ пиджакѣ и красной фескѣ, неутомимо сновавшій между пассажирами, предложилъ мнѣ чашку чернаго турецкаго кофе и мѣстную французскую газету. Углубившись въ чтеніе послѣднихъ новостей, я и не замѣтилъ, какъ нашъ пароходъ подошелъ къ пристани.

Константинополь состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ частей: Истамбола (испорченное «Εις την πολιν»), Галаты, Перы, Фанара и Балаты. Истамболъ, древняя Византія, въ настоящее время городъ, населенный преимущественно мусульманами, расположенъ на возвышенности, двѣ стороны которой омываются водами Золотаго Рога и Мраморнаго моря. Въ немъ находятся главнѣйшія мечети: Св. Софіи, Ахмета, маленькой Софіи, Баязида, Сулеймана Великаго и др. Улицы Истамбола довольно просторны и тщательно вымощены, и вообще опрятнѣе содержатся, чѣмъ въ другихъ частяхъ. Большинство построекъ изъ дерева. Частные дома выкрашены пестрыми цвѣтами: синія, красныя, желтыя, зеленыя полосы безпрестанно рябятъ въ глазахъ. Эти помѣщенія обыкновенно состоятъ изъ двухъ этажей: изъ нихъ верхній выступаетъ впередъ, какъ это еще можно видѣть въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ городахъ Германіи. Нерѣдко къ стѣнамъ прикрѣпляются закрытые балконы (мухораби), откуда турецкія женщины могутъ видѣть все, что происходитъ на улицѣ. Позади этихъ домовъ идутъ тѣнистые сады. Почти всѣ нижніе этажи заняты лавками и мастерскими, отчего цѣлая улица представляется

однимъ непрерывнымъ рынкомъ. Истамболъ соединенъ съ Галатой и Перой деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ заливъ Золотаго Рога. Каждый проходящій, каждый проѣзжающій платитъ въ началѣ моста нѣсколько мелкихъ монетъ (около 3 коп.), сборъ, составляющій ежедневный приходъ въ 12,000 франковъ. Изъ этого можно заключить, какое здѣсь постоянное движеніе! На этомъ мосту происходятъ и казни. Въ началѣ послѣдней войны тутъ было повѣшено нѣсколько болгаръ. Немного далѣе, въ глубину залива, начата постройка желѣзнаго моста, но, по недостатку средствъ, это предпріятіе пріостановлено. Галата вмѣщаетъ въ себѣ всевозможныя національности и всякіе роды занятій. Это центръ торговаго движенія, съ банкирскими конторами, гуртовыми складами товаровъ, съ множествомъ кофеенъ, тавернъ и съ цѣлыми улицами подозрительныхъ домовъ, возлѣ которыхъ даже и среди дня встрѣчаются вооруженные полицейскіе обходы. Галата есть вмѣстѣ и обыкновенное пристанище того люда, который выбрасываетъ Европа и для котораго Востокъ представляетъ большія удобства, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу. Немудрено, что бо̀льшая часть преступленій совершается преимущественно здѣсь. Въ этой части много каменныхъ домовъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ еще можно видѣть гербы ихъ прежнихъ владѣльцевъ: генуэзцевъ и венеціанцевъ, пользовавшихся въ прежнія времена особеннымъ расположеніемъ византійскихъ императоровъ и турецкихъ султановъ, и сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ торговлю востока.

Выше надъ Галатой, на отдѣльномъ холмѣ, расположена Пера. Туда можно подняться по каменнымъ ступенямъ отлогой, но очень длинной, занимающей всю ширину улицы, лѣстницы,—или еще удобнѣе—черезъ тоннель, въ вагонѣ желѣзной дороги, превосходно устроенной какимъ-то англійскимъ обществомъ. Въ Перѣ находятся помѣщенія представителей всѣхъ европейскихъ государствъ. Это настоящіе дворцы. Самое обширное изъ нихъ принадлежитъ русскому посольству. Оно господствуетъ надъ Константинополемъ и видно далеко съ моря. Поставленный на немъ русскій двуглавый орелъ, широко распростирающій свои крылья, представляется парящимъ надъ городомъ. По величинѣ второе мѣсто, послѣ русскаго, занимаетъ домъ германскаго посольства. Въ Перѣ, кромѣ того, много магазиновъ съ европейскими произведеніями, кондитерскія, книготорговли, весьма бѣдныя по содержанію и страшно дорогія по цѣнамъ книгъ, театръ, въ которомъ даются французскіе водевили на турецкомъ языкѣ, кафешантаны въ крайне грязныхъ помѣщеніяхъ и съ не менѣе грязнымъ персоналомъ исполнителей, и нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній. Фанарь находится въ верхней части Золотаго Рога; онъ населенъ

греками. Въ Фанарѣ имѣетъ пребываніе вселенскій патріархъ и состоящій при немъ синодъ. Тамъ же живетъ и экзархъ болгарскій.

Балата—исключительно еврейская часть города. Въ ней особенно выдаются грязь и неряшливость, эти обыкновенные спутники еврейскаго племени. Было время, когда евреи вели всѣ финансовыя дѣла Турціи. Но нѣтъ ничего вѣчнаго, и они теперь совершенно устранены. Замѣчательно, что съ прекращеніемъ финансовой и торговой дѣятельности начинается паденіе евреевъ. Какъ будто въ этомъ народѣ нѣтъ другаго стремленія, кромѣ того, которое ведетъ къ непосредственному обогащенію!

Вся чарующая прелесть Константинополя, представляющагося съ моря въ такой величественной картинѣ, мгновенно исчезаетъ, какъ прекрасный сонъ послѣ пробужденія, съ первыхъ шаговъ внутри его. Въ Перѣ, напримѣръ, улицы узкія, кривыя, съ глыбами булыжника, между которыми сочится жидкая грязь; идешь точно по каменистому дну не вполнѣ высохшаго потока. Уличныя постройки, въ свою очередь, поражаютъ какимъ-то заброшеннымъ, грязнымъ видомъ. Возлѣ четырехъ-этажнаго каменнаго дома стоитъ полуразвалившаяся лачуга и тутъ же едва огороженное кладбище, съ своими надгробными, увѣнчанными чалмами, тюрбе! Зеркальныя стеклама газиновъ, съ роскошною выставкою произведеній европейскихъ мануфактуръ, и рядомъ мясная лавка съ выдавшимися на улицу, болтающимися на крючьяхъ, кусками мяса! Нечистота, грязь и вонь, на каждомъ шагу десятки спящихъ отъѣвшихся собакъ непріятно поражаютъ непривычный глазъ, и это на самой лучшей улицѣ, носящей громкое названіе la grande rue de Péra! То-же самое и въ другихъ частяхъ, хотя Истамболъ все-таки опрятнѣе. Вездѣ въ Константинополѣ необыкновенное движеніе. Вы видите всевозможные костюмы и слышите самый разнообразный говоръ, какъ будто всѣ языки міра и всѣ народности сошлись сюда на свиданіе. Европейцы, черкесы, албанцы въ алыхъ расшитыхъ золотомъ курткахъ и бѣлыхъ фустанеллахъ, зейбеки въ высокихъ, на подобіе сахарной головы, шапкахъ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, въ сѣрыхъ войлочныхъ колпакахъ дервиши, протягивающіе руку цыгане, негры, турчанки въ плащахъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ—красныхъ, синихъ, зеленыхъ и въ полупрозрачныхъ бѣлыхъ покрывалахъ, оставляющихъ открытыми темные широко смотрящіе глаза, невольницы, съ головы до ногъ обтянутыя кускомъ полосатой ткани, красные фесы различныхъ оттѣнковъ, носимые поклонниками европейской цивилизаціи, бѣлыя и зеленыя чалмы истинныхъ послѣдователей Магомета, темная верблюжья ряса подпоясаннаго простой веревкой босоногаго капуцина—все это толкаетъ другъ друга и движется сплошною стѣною по разнымъ направ-

леніямъ улицы, представляя самую пеструю смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній...» Варда (берегись)! громко раздается голосъ, и всѣ жмутся подъ навѣсы домовъ, чтобы пропустить ѣдущаго за своимъ кавасомъ пашу: какъ бронзовая статуя, сидитъ онъ неподвижно на своемъ арабскомъ конѣ и ни однимъ мускуломъ не показываетъ, что замѣчаетъ кого-либо. Портогалло, Портогалло! кричатъ, въ свою очередь, разнощики апельсинъ, неся ихъ на спинѣ въ громаднѣйшихъ корзинахъ, и вслѣдъ за ними продавецъ бычачьихъ внутренностей, навѣшанныхъ по концамъ коромысла, громко предлагаетъ ихъ желающимъ. Варда! снова слышится окликъ, и снова заколыхалась толпа: изящная парижская карета съ турецкими дамами останавливается у входа въ магазинъ, изъ котораго торопливо выбѣгаютъ услужливые commis, поднося различныя вещи интереснымъ покупательницамъ.

Но скорѣе отсюда, скорѣе на просторъ,—туда, гдѣ природа представляется во всей своей красѣ и гдѣ произведенія человѣка достойно съ нею соперничаютъ!

Пройдя съ однимъ моимъ знакомымъ настоящій лабиринтъ узкихъ улицъ и еще болѣе узкихъ переулковъ, я очутился у вагона желѣзной дороги, проложенной черезъ тоннель, и черезъ 4—5 минутъ былъ уже въ Галатѣ. Оттуда всего $^1/_4$ часа ходьбы по такимъ же узкимъ и еще болѣе грязнымъ переходамъ къ пристани Русскаго Общества Пар. и Торг. По знаку моего провожатаго, сильный и красивый каикчи (лодочникъ, хозяинъ каика—лодки) ловко придвинулъ свой каикъ, борты котораго были украшены рѣзьбою и позолотой, и мы быстро помчались по зеркальной поверхности моря. Точно сказанія «Тысячи и одной ночи» развернулись передъ нами чудныя картины: Мечеть Махмуда, Дольма Бахче, мечети Абдулъ-Меджида и султанши Валиде, Чераганъ! Чѣмъ-то необыкновеннымъ, волшебнымъ представились эти мраморныя ярко бѣлыя изваянія среди зелени кипарисовъ, лавровъ и платановъ! И нигдѣ ни одного живаго существа! Огромныя зеркальныя стекла плотно завѣшены, а позолоченныя рѣшетки дверей на-глухо заперты. Вокругъ таинственность и тишина. Дольма-Бахче служитъ резиденціею теперешняго повелителя правовѣрныхъ ,султана Абдулъ-Гамида. Въ Чераганѣ заключенъ бывшій владыка Турціи, султанъ Мурадъ; въ этомъ же дворцѣ окончилъ свои дни злосчастный султанъ Абдулъ-Азисъ. Фасадъ Дольма-Бахче смѣшаннаго стиля. Особенно красива его средняя часть со множествомъ колоннъ, розасовъ и арабесокъ; она опирается на пространную платформу, оканчивающуюся мраморными ступенями. Чераганъ выстроенъ султаномъ Махмудомъ почти въ классическомъ стилѣ. Знаменитый реформаторъ и произведеніями

искусства хотѣлъ выразить свои симпатіи къ Европѣ. Бешикъ-Ташъ, любимый дворецъ султана Абдулъ-Меджида, въ восточномъ стилѣ, точно венеціанскій палаццо, перенесенный съ береговъ Адріатики. Далѣе тянутся кіоски султанши Валиде, Саида и Решида-пашей, виллы, сады, зелень! Изъ мечетей, стоящихъ на берегу, по легкости архитектуры и красотѣ отдѣлки обращаетъ на себя вниманіе мечеть султанши Валиде; два ея минарета изъ чистаго бѣлаго мрамора кажутся издали двумя пощаженными временемъ колоннами античнаго храма. Пространство, заключающееся между дворцами, мечетями и моремъ, выложено мраморными плитами; въ концѣ его, у самой воды, стоятъ монументальные мраморные постаменты для фонарей, соединенные между собою вызолоченною рѣшеткою. Слѣдуетъ замѣтить, что ничто не отдѣляетъ эти сооруженія отъ моря. Нѣтъ ни бечевника, ни узаконенныхъ дорогъ, благодаря которымъ требованія искусства не принимаются въ разсчетъ, коль скоро рѣчь идетъ о большой водѣ. Здѣсь же, какъ и во многихъ мѣстахъ юго-западной Европы, всѣ эти чудныя сооруженія представляются какъ будто выросшими изъ самаго моря, и вотъ, вотъ готовы снова погрузиться въ прозрачную морскую пучину!...

Въ воздухѣ тихо. Море точно дремлетъ и, какъ кокетливая красавица, позволяетъ любоваться собою. Сложивъ весла и скрестивъ на груди руки, нашъ каикчи, статный албанецъ, служившій на каикѣ султана Абдула-Азиса, погрузился въ глубокую думу. И ему, быть можетъ, какъ и большинству турокъ, говоритъ какой-то невѣдомый голосъ, что уже время идти въ землю отцовъ, съ которою столь тѣсно связаны обѣщанія пророка и гдѣ все рисуется въ такихъ дивно хорошихъ образахъ!... И дѣйствительно, въ эту минуту заходящее солнце чудно-хорошо озарило азіятскій берегъ! По немъ бѣлою полосою тянутся скутарійскія постройки съ огромными зеркальными окнами: точно бѣлое эмалевое ожерелье съ рядомъ сіяющихъ драгоцѣнныхъ камней. Стоящіе позади минареты мечетей ярко выдѣлились изъ темной зелени кипариснаго лѣса. Ближе башня Леандра, охваченная какъ дымкой, голубоватымъ вечернимъ туманомъ, вдругъ заблестѣла золотомъ. По неподвижной поверхности темно-изумруднаго у береговъ Европы и ярко бирюзоваго на противоположной сторонѣ моря скользятъ пароходы, оставляя за собою легкія струйки дыма, а за ними, какъ стая лебедей, летаютъ бѣлые паруса... Правѣе — синія, прозрачныя очертанія Принцевыхъ острововъ, надъ которыми царственно возвышается покрытый своими вѣчными сѣдинами вѣчный Олимпъ.

Солнце уже скрылось за возвышенностями Истамбола и мысъ Сераля началъ одѣваться въ свои ночные покровы, когда мы причалили къ берегу.

V.

Собиратели новостей.—Мои знакомцы Яни Манейя и Ѳедоръ Николаевичъ.—Обѣдъ въ греческомъ ресторанѣ.—Фруктовыя лавки.

Въ Константинополѣ встрѣчаются личности, созданныя мѣстными условіями и имѣющія мѣстный типическій характеръ. Это собиратели новостей, слуховъ и вмѣстѣ распространители ихъ. Если одни изъ нихъ удостоиваются счастія говорить съ высокопоставленными лицами—министрами, пашами, то другіе довольствуются бесѣдами съ прислужниками пашей, съ ихъ кафеджи и съ разнаго рода меньшею братіею, терпѣливо выжидая своей очереди подняться выше по ступенямъ турецкой іерархической лѣстницы. Какъ тѣ, такъ и другіе, едва услышавъ какую нибудь интересную новость, спѣшатъ, не щадя ногъ, передать ее своимъ благодѣтелямъ. Конечно, благодѣтели не остаются въ долгу и нерѣдко весьма щедро вознаграждаютъ своихъ вѣстовщиковъ. Еще съ большею щедростію платятъ имъ европейскія посольства, для которыхъ во́ время узнанная интрига часто составляетъ вопросъ о преимуществѣ вліянія. Такими носителями новостей обыкновенно бываютъ греки, левантинцы и итальянцы; изъ другихъ національностей попадаются рѣже. Турки, отъявленные любители всякихъ новостей, сами не пускаются въ поиски за ними; для этого нужно своего рода искусство, гибкость ума и нерѣдко тѣла, однимъ словомъ то, на что не всегда стаетъ величаваго выходца изъ Азіи, и что не совмѣстно съ понятіемъ о господинѣ, которое каждый турокъ считаетъ своею принадлежностію. Я имѣлъ случай познакомиться съ двумя личностями этого рода. Одинъ изъ нихъ грекъ-перотъ Яни Манейя, служившій начальникомъ какой-то желѣзно-дорожной станціи и потерявшій свое мѣсто съ появленіемъ нашихъ войскъ. Это еще молодой человѣкъ, бывшій воспитанникъ константинопольскаго коммерческаго училища. Онъ долго жилъ между болгарами, знаетъ ихъ языкъ и съ грѣхомъ пополамъ объясняется по-русски. Г. Манейя владѣетъ еще французскимъ языкомъ, носитъ европейскій костюмъ и, какъ всѣ пероты, красную феску. Другое лице, уроженецъ великой Греціи и носитель великой идеи, ради которой подвергся гоненію, жилъ нѣкоторое время въ Россіи и выучился русскому языку. Я говорю съ нимъ не какъ съ какимъ либо великимъ Перикломъ или Ѳемистокломъ, а нѣсколько проще и, по русскому обычаю, называю его Ѳедоромъ Николаевичемъ. У грековъ слово великій (μέγας,

μεγάλη) играетъ огромную роль. Все, что близко ихъ чувству, они видятъ преувеличенно и называютъ великимъ. Королевство греческое они называютъ великою Греціею. Надежды или вѣрнѣе мечты — τάμεγάλα — о возстановленіи Византіи съ Константинополемъ, какъ столицею, облечены ими въ таинственное названіе великой идеи. Это имѣетъ свою хорошую сторону: чувство грека съ дѣтства свыкается съ мыслію, что все родное носитъ печать величія; это въ тысячу разъ лучше нашего всероссійскаго самоприниженія. Но можно опасаться и того, что слово «великій — μέγας» — будетъ оставаться только въ одномъ словарѣ сладкорѣчивыхъ эллиновъ и что за ними останется одно прозваніе мегафроновъ (μεγαφρονεῖν — многодумающихъ о себѣ), по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока великое отечество не дастъ великихъ гражданъ. Итакъ, мой великій грекъ или же попросту Ѳедоръ Николаевичъ, простоявъ извѣстные часы у воротъ счастья и обмѣнявшись нѣсколькими словами съ нужными людьми, побывавъ у нѣсколькихъ пашей и не забывъ завернуть въ посольскія канцеляріи, заходитъ ко мнѣ. Онъ является торжественно, съ важностію человѣка, посвященнаго въ государственныя тайны; все ему извѣстно, не только то, что уже рѣшено, но даже и то, что будетъ рѣшено. Своимъ всевѣдѣніемъ онъ поражаетъ васъ и, какъ настоящій артистъ, самъ любуется собою, и свое удовольствіе, послѣ каждой сообщенной новости, выражаетъ небольшой руладой полусдержаннаго смѣха, какъ-бы говорящаго: «видите-ли, каковъ я!» Или: «я еще много кое-чего знаю, и все будетъ такъ, какъ я говорю». Ѳедоръ Николаевичъ всегда одѣтъ какъ джентльменъ и носитъ цилиндръ англійской формы. Какъ г. Манейя, такъ и Ѳедоръ Николаевичъ были дорогими людьми для меня: благодаря имъ я ознакомился со многими достопримѣчательностями Константинополя. Имъ я обязанъ и многими свѣдѣніями политическаго характера. Г. Манейя сообщилъ мнѣ много интереснаго о бытѣ болгаръ и о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ они подвергались въ послѣднее время. По его отзыву, болгаре такъ много вынесли въ послѣднюю войну, такъ много выстрадали, что уже это одно заставляетъ снисходительно относиться къ ихъ недостаткамъ, — недостаткамъ, вынесеннымъ изъ многовѣковой неволи, — отзывъ тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что онъ произнесенъ чужеземцемъ.

Прогулка въ теченіи нѣсколькихъ часовъ сначала въ морѣ, а потомъ въ городѣ пѣшкомъ сильно возбудила нашъ аппетитъ, подсказывавшій и мнѣ и моему спутнику, г. Манейѣ, что обѣдъ былъ вполнѣ заслуженнымъ нами вознагражденіемъ. Мы отправились въ греческій ресторанъ, въ которомъ мѣстные гастрономы лакомятся произведеніями

греко-турецкой кухни. Великолѣпныя устрицы, пилавъ и кебабъ (мелко изрѣзанная и поджаренная баранина), катаифъ съ каймакомъ (первое – очень тонкая лапша, поджаренная на маслѣ съ сахаромъ, а второе—сливочныя пѣнки толщиною въ три пальца) вполнѣ удовлетворили насъ. На возвратномъ пути мы зашли въ фруктовую лавку и купили великолѣпныхъ яфскихъ апельсинъ, нѣжныхъ и душистыхъ, величиною съ небольшую дыню. Константинопольскія фруктовыя лавки устраиваются на воздухѣ подъ деревяннымъ навѣсомъ. И нужно удивляться, съ какимъ вкусомъ расположены въ нихъ фрукты, какую роль играетъ ихъ подборъ, соотвѣтственно съ внѣшностію и цвѣтомъ, какъ все это изящно перевито зеленью мирта и лавра! И это дѣло рукъ простолюдина-турка, у котораго не было другаго учителя, кромѣ окружающей его природы!

Усѣвшись спокойно въ номерѣ Hôtel'a de Bysance, г. Манейя и я повели рѣчь о болгарахъ: о стремленіи ихъ къ свободѣ и самостоятельности, о бытовыхъ особенностяхъ этого народа и степени его благосостоянія. Не вдругъ и не всѣ предложенные мною вопросы были разрѣшены моимъ собесѣдникомъ; за многимъ пришлось мнѣ обращаться къ другимъ источникамъ, живымъ и печатнымъ. Какъ туристъ, я не имѣлъ ни времени, ни возможности провѣрить мною слышанное, и потому многое пришлось принимать на вѣру. Не смотря, однако-же, на это, помѣщаемыя за симъ свѣдѣнія могутъ представить, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ для принимающихъ участіе въ бывшей и въ настоящей судьбѣ болгарскаго народа.

VI.

Вопросы о происхожденіи болгаръ.—Ихъ разселеніе.—Стремленіе къ независимости.—Болгарскіе дѣятели.—Образованіе и школы.—Церковный вопросъ.—Численность.—Наружность.—Характеръ.—Отношеніе болгаръ къ русскимъ во время войны.

Между различными народностями, населяющими Европейскую Турцію, болгаре обращаютъ на себя особенное вниманіе загадочностію своего происхожденія. Они носятъ названіе народа, принадлежавшаго къ турано-финскому племени и тѣмъ не менѣе считаютъ своимъ природнымъ языкомъ одно изъ славянскихъ нарѣчій. Отброшенные движеніемъ народовъ отъ береговъ Волги, болгаре въ концѣ VII (680 г.) вѣка переправились черезъ Дунай, перешли Гемусъ и, распространившись въ верхней долинѣ рѣки Марицы, овладѣли Родопскимъ плоскогоріемъ и частью Македоніи. Въ этой мѣстности болгаре основали свое царство, долго бывшее грозою Византіи и другихъ сосѣдей. Эта же мѣстность принадлежитъ имъ и въ настоящее время. Какое именно славянское племя застали завоеватели, и въ какой мѣрѣ они имѣли вліяніе на него? Были-ли покоренныя племена родственны древнимъ ѳракійцамъ? Можно ли еще и теперь найти потомковъ пришедшихъ болгаръ? Имѣли-ли эти болгаре свой языкъ, или же и принесенный ими языкъ былъ отраслью славянскаго? Это вопросы, которые будутъ долго занимать ученыхъ, и для которыхъ наступающее ближайшее знакомство съ мѣстомъ жительства турецкихъ болгаръ, съ ихъ преданіями и обычаями, быть можетъ, откроетъ новыя указанія.

Болгаре дольше всѣхъ оставались вѣрными Турціи. Примѣры босняковъ, герцеговинцевъ, сербовъ, грековъ и албанцевъ, добивавшихся лучшей участи вооруженной рукой, не имѣли на нихъ ни малѣйшаго вліянія. Только тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ, нѣсколько болгарскихъ торговцевъ, ознакомившихся за границею съ иными порядками, священники и учители, получившіе образованіе въ Россіи, начали мечтать о лучшей будущности для своего народа. Они говорили, что въ другихъ странахъ живутъ иначе, что тамъ жизнь и имущество обезпечены закономъ, и каждый человѣкъ настолько обученъ, что имѣетъ возможность знать и защищать свои права. Сознавая, что сила народа имѣетъ корень въ его образованіи, болгаре: Василій Априловъ, Мустаковы, Беронъ, Раковскій, Палаузовы и др. много содѣйствовали учрежденію

народныхъ училищъ въ Болгаріи. Раковскаго въ особенности слѣдуетъ считать отцемъ болгарскаго національнаго движенія. Онъ руководилъ его своею мыслью и давалъ для поддержки значительныя матеріальныя средства. Это былъ человѣкъ замѣчательной энергіи, которую не могли ослабить ни аресты, ни преслѣдованія враговъ, ни малодушіе и измѣна единоплеменниковъ. Стараніемъ этихъ почтенныхъ дѣятелей первыя училища были учреждены въ Габровѣ и Тырновѣ. Образовавшееся въ Румыніи Болгарское общество, поддерживавшее у болгаръ стремленія къ лучшей будущности, и Одесское болгарское настоятельство, приготовлявшее учителей для Болгаріи, въ свою очередь, много сдѣлали для упроченія школьнаго дѣла въ этой странѣ. Народъ во многихъ мѣстахъ обложилъ себя налогомъ въ пользу школъ. Въ теченіе очень непродолжительнаго времени въ одномъ Филиппопольскомъ санджакѣ были учреждены 2 центральныя школы съ программою средняго учебнаго курса, 25 школъ приготовительныхъ и 198 начальныхъ, изъ коихъ 18-ть школъ для дѣвочекъ. Но стремленіе къ образованію болгаръ не ограничилось однѣми школами; оно выразилось еще въ изданіи школьныхъ руководствъ и книгъ элементарнаго содержанія по различнымъ отраслямъ наукъ. Засимъ переведены на болгарскій языкъ Пушкинъ, Гоголь, Шевченко; переведена Петкомъ Словейковымъ библія, которую нью-іоркское библейское общество включило въ число своихъ изданій. А за этими изданіями появился цѣлый рядъ газетъ съ явнымъ стремленіемъ къ независимости. Это были газеты, издававшіяся въ Румыніи: «Старая Планина», «Болгарскій Гласъ», «Сѣкидневный Новинарь», расходившійся въ 2,000 экземпляровъ; издавалъ его Аженовъ, бывшій вмѣстѣ редакторомъ и нерѣдко разсыльнымъ для своего изданія; «Знамя», издававшееся Стамбуловымъ, проповѣдовавшимъ турецкимъ раямъ свободу; «Знаніе», научный журналъ, имѣвшій 4,000 подписчиковъ, издававшійся Каравеловымъ и Словейковымъ и выходившій въ Константинополѣ; «Напредокъ», призывавшій къ свободѣ и независимости. Такимъ образомъ мысль о свободѣ возникла въ народной школѣ, куда ее внесли учители, и изъ нея, мало по малу, стала распространяться по всѣмъ мѣстамъ разселенія болгаръ. Какъ одно изъ высшихъ выраженій наступившаго сознанія своей національности и стремленія къ независимости, у болгаръ возникъ церковный вопросъ. Въ теченіе вѣковъ болгарская церковь управлялась греческими епископами, назначаемыми константинопольскимъ патріархомъ. Греческіе епископы не обращали никакого вниманія на потребности своей паствы. Не создавъ ни одной школы для мірянъ, ни одного училища для духо-

венства, и занимаясь лишь сборомъ денегъ съ народа и съ церковныхъ имуществъ, они подавляли всякое проявленіе болгарской національности, преслѣдовали болгарскій языкъ и, вмѣсто него, навязывали народу чужой и непонятный ему греческій языкъ. Даже о поддержкѣ церквей не заботилось греческое духовенство. Обветшавшія церковныя зданія постепенно разрушались, и приходы ихъ соединялись съ другими ближайшими. И это было и съ монастырями, и даже съ епископіями. Понятно послѣ этого, почему въ Болгаріи не сохранилось никакихъ слѣдовъ о множествѣ когда-то существовавшихъ тамъ епархій, упоминаемыхъ теперь въ однихъ оффиціальныхъ спискахъ константинопольскаго патріархата. Гдѣ именно онѣ находились и когда онѣ не стали болѣе имѣть своихъ епископовъ, на эти вопросы никто не можетъ отвѣтить. При такихъ обстоятельствахъ стремленіе болгаръ къ національной іерархіи представляется вполнѣ естественнымъ. Это явленіе не ново въ исторіи константинопольской церкви. Какъ только народъ образовывался въ самостоятельное государство, онъ тотчасъ же разрывалъ іерархическія связи съ вселенскимъ патріархомъ. Такъ было въ средніе вѣка въ Россіи, въ царствахъ сербскомъ и болгарскомъ, и въ недавнее время въ королевствѣ греческомъ и въ княжествахъ Румынскомъ и Сербскомъ. Тому же примѣру послѣдовали болгаре. Они пожелали имѣть своихъ епископовъ, природныхъ болгаръ; они желали слушать слово Божіе на своемъ родномъ языкѣ. А ихъ соотечественники, воспитывавшіеся въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, и достигшіе священства и даже епископскаго сана, не щадившіе своихъ трудовъ и нерѣдко жертвовавшіе своею жизнію ради своего народа, наглядно показывали, какое огромное значеніе можетъ имѣть національное духовенство въ дѣлѣ національной независимости. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ сношеній съ константинопольскимъ патріархомъ, болгаре, при содѣйствіи русской дипломатіи, объявили свою церковь аутокефальною, самостоятельною. Послѣ этого шага политическая самостоятельность Болгаріи являлась уже неизбѣжною; она представлялась вопросомъ, разрѣшеніе котораго зависѣло отъ ближайшихъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Сама численность болгарскаго народа, простирающаяся по обѣ стороны Балканскихъ горъ до пяти милліоновъ душъ, показываетъ, что раньше или позже ему суждено играть свою роль въ исторіи. Теперь къ этой роли призываютъ его обстоятельства, созданныя русскимъ оружіемъ.

Не смотря на разселеніе болгаръ на значительномъ пространствѣ,— отъ Дуная до Эгейскаго моря,—наружность этого народа почти вездѣ

представляетъ одинъ общій типъ. Исключеніе остается только за небольшимъ участкомъ въ Деспото-Планинѣ (Родопскія горы). Небольшаго росту, но крѣпкосложенный болгаринъ, не отличается ни красотою, ни даже выразительностію своей физіономіи. Въ немъ проглядываетъ смѣсь турка и славянина, хотя и не высказывается ни одного изъ признаковъ, составляющихъ принадлежность этихъ расъ. Весьма вѣроятно, что долговременное униженіе изгладило въ немъ всякую самобытность. Болгарскія женщины рѣдко бываютъ красивы, хотя лица ихъ гораздо выразительнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Но и при самой миловидности болгарокъ, въ нихъ почти незамѣтно молодости и неразлучной ея спутницы—игривости, какъ будто непосильный трудъ съ самаго дѣтства положилъ на нихъ печать утомленія и преждевременнаго истощенія. Дѣвушки любятъ украшать себя цвѣтами, которые вплетаютъ себѣ въ волосы; замужнія и пожилыя женщины носятъ на головѣ бѣлыя покрывала. Болгарка имѣетъ большое вліяніе на мужа,—черта чисто славянская,—въ противоположность гречанкѣ, которая въ своей семьѣ считается наравнѣ съ дѣтьми.

Вообще болгаринъ одѣвается бѣдно. Куртка, лѣтомъ изъ шерстяной ткани, а зимою изъ овчины, такіе же широкіе штаны, поддерживаемые поясомъ, барашковая шапка, а на ногахъ опанки,—куски полотна или шерстяной ткани, обмотанные ремнемъ, вотъ и все его одѣяніе, напоминающее отчасти одѣяніе пастуховъ новороссійскихъ степей.

Въ характерѣ болгарина нѣтъ смѣлости; онъ даже робокъ. Въ сношеніяхъ его съ другими проглядываютъ недовѣрчивость и подозрительность. Славянское гостепріимство болгарину мало знакомо, и на своего посѣтителя онъ смотритъ какъ на лицо, отъ котораго онъ можетъ получить извѣстныя выгоды, или же какъ на врага. Все это черты крайне непривлекательныя. Когда миновали первые восторги, вызванные появленіемъ нашихъ войскъ за Дунаемъ, болгарское населеніе не только не высказывало намъ расположенія, но даже относилось къ намъ развѣ только немногимъ лучше, чѣмъ къ туркамъ. При приближеніи русскихъ отрядовъ они обыкновенно прятали все свое имущество. «Нима ништо, сичко турци-то пожарили», большею частью отвѣчали болгаре на просьбы истомленныхъ и проголодавшихся офицеровъ и солдатъ. — «Позвольте хотя обогрѣться въ избѣ; видите, люди совсѣмъ окоченѣли», продолжалъ умолять офицеръ. «Слаби вси, жена, дѣти» настаивалъ болгаринъ и безсердечно замыкалъ двери. Но едва только удалялись отъ избы, какъ больные мгновенно выздоравливали и садились за трапезу, на которой въ обиліи появлялись кушанья. Часто болгаринъ отказывалъ русскому въ стаканѣ воды. Въ этихъ

случаяхъ одинъ видъ знаменитой русской нагайки быстро смягчалъ самыхъ жестокосердыхъ. Это средство, само по себѣ отвратительное, представлялось въ высшей степени страннымъ въ рукахъ тѣхъ, которые являлись избавителями. Впрочемъ, эти случаи бывали рѣдки и скорѣе составляли исключеніе. Вообще же русскіе держали себя сдержанно, ясно сознавая, что они въ родной землѣ по вѣрѣ, крови и языку. Замѣтивъ золото въ кошелькѣ офицера и, главное, убѣдившись въ готовности его платить, болгаринъ дѣлался доступнѣе, т. е. уже не пряталъ ни воды, ни хлѣба и продавалъ все, запрашивая въ десять разъ дороже, и продолжая такую благосклонность, пока не вытягивалъ послѣдней желтицы (червонца). Конечно, такое отношеніе къ намъ болгаръ именно въ то время, когда для нихъ приносились столь огромныя жертвы, оскорбляло насъ. Но мы забывали, что каждый приходъ нашъ въ Турцію былъ источникомъ величайшихъ несчастій для болгаръ, ихъ раззоренія и почти поголовнаго истребленія. Такъ было въ 1828 и 1853 годахъ; то-же произошло и теперь, когда нашъ передовой отрядъ перешелъ Балканы и занялъ южную Болгарію. Болгарское населеніе долины Марицы и Тунджи встрѣтило русскія войска съ восторгомъ; оно увидѣло въ нихъ избавителей отъ вѣковаго угнетателя и должно было заплатить кровавыми жертвами за столь легкомысленныя упованія. Мы удалились также быстро, какъ и пришли, не оставивъ даже оружія болгарамъ, которымъ бы они могли защищать себя отъ неистовствъ баши-бузуковъ. Оставшіеся въ живыхъ обратились въ нищихъ; безъ крова и безъ куска хлѣба, они сдѣлались добычею голода и болѣзней.

Могли-ли болгаре особенно радоваться нашему приходу? Не нравились болгарамъ и наши реквизиціи у нихъ хлѣбомъ, кормомъ для лошадей и подводами... Впрочемъ, мы отчасти и сами были виною такого отношенія болгаръ. Мы упустили изъ виду, что болгаре привыкли къ силѣ, которую они только и уважали. Мы должны были внушить имъ, что всякая повинность, вызванная войною, есть ихъ долгъ, а не предоставлять удовлетвореніе нуждъ арміи на ихъ волю. Говорятъ, что населенію даже было объявлено, что оно ничего не должно давать безъ денегъ... Но и тутъ мы не позаботились установить таксу за припасы и разныя услуги... Военные, въ особенности, жаловались на такую нераспорядительность гражданской власти. Наконецъ, необходимо принять во вниманіе еще и то, что народъ, вынесшій пятисотлѣтнее рабство, не могъ вдругъ переродиться, вслѣдъ за удаленіемъ его притѣснителей. Мгновенное возникновеніе въ немъ качествъ свободнаго человѣка было бы равносильно возникновенію древняго феникса изъ собственнаго пепла. Разсчитывая найти въ болгаринѣ

то, чего въ немъ не было, мы обманывали самихъ себя [1]). Болгаринъ никогда не видѣлъ другой вооруженной силы, кромѣ турецкой, и, увидѣвъ русскія войска, не могъ отнестись къ нимъ иначе, чѣмъ онъ относился прежде къ войскамъ низама. Болгаринъ постоянно хитрилъ съ турецкими властями и постоянно ихъ обманывалъ; тотъ же обманъ и ту-же хитрость онъ высказывалъ и въ отношеніи русскихъ. Золото, въ глазахъ его, всегда было самымъ надежнымъ средствомъ не только упроченія своего благосостоянія, но даже и сохраненія самой жизни. И при видѣ легкаго способа его пріобрѣтенія отъ русскихъ, корыстолюбіе и жадность должны были заглушить въ немъ всякое другое чувство. Лучшихъ, болѣе человѣчныхъ инстинктовъ пока не могло быть у болгарина, такъ какъ не могли дать ему ихъ ни его гражданское положеніе, ничѣмъ не обезпеченное отъ случайностей произвола, ни его общественная, крайне неразвитая среда, ни даже самое духовенство, до послѣдняго времени ему чуждое и не менѣе тяжелое своими поборами, чѣмъ турецкія власти. Этимъ должно быть объяснено то странное настроеніе болгаръ въ отношеніи русскихъ, которое они выказывали въ минувшую войну.

Тѣмъ не менѣе многіе военные съ восторгомъ вспоминаютъ о болгарахъ въ прибалканской и забалканской мѣстностяхъ, какъ они подъ огнемъ непріятеля доставляли вино и воду шипкинскимъ героямъ, какъ они убирали нашихъ раненыхъ и относили ихъ на плечахъ въ свои дома... На горѣ св. Николая, на которую постоянно былъ устремленъ самый сильный огонь турокъ, весьма часто можно было видѣть старухъ болгарокъ, приносившихъ пищу нашимъ солдатамъ и ухаживавшихъ за нашими ранеными. Габровскіе жители лишились всего своего скота, возя нашихъ раненыхъ шипкинскаго отряда, наши снаряды и припасы. Все это они дѣлали добровольно. Точно это былъ другой народъ, а не болгаре, съ которыми пришлось намъ имѣть сношенія, послѣ переправы чрезъ Дунай.

---

[1]) Графъ Э. И. Тотлебенъ постоянно говорилъ, что онъ нигдѣ у болгаръ не видѣлъ расположенія къ русскимъ, и что, напротивъ, ихъ задушевное желаніе было, чтобы освободители ихъ, по возможности, скорѣе покинули страну (Плевненское сидѣнье. „Русск. Стар." 1886 г., кн. XI).

Кн. В. Д.

VII.

Болгарскія села и жилища.—Ярмарки.—Развлеченія.—Народныя пѣсни.—Болгаре-помаки.—Народное благосостояніе.

Болгарскія села очень живописны въ мѣстахъ, близкихъ къ Балканамъ. Они тонутъ въ зелени садовъ, орошаемыхъ быстрыми струями горныхъ рѣчекъ. Улицы, сами по себѣ узкія, представляются еще уже отъ выступающихъ верхнихъ этажей, до которыхъ достигаютъ цѣпкія вѣтви виноградныхъ лозъ. Постройки изъ камня. За то въ степныхъ мѣстностяхъ онѣ слѣплены, большею частью, изъ земли, смѣшанной съ соломой. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ черезъ дверь и чрезъ отверстіе въ крышѣ, оставленное для выхода дыма. Въ единственной комнатѣ этого жилища разставлены скамьи, гдѣ нибудь низкій турецкій столикъ, по стѣнамъ домашняя посуда, развѣшанная на гвоздяхъ, а въ углу складъ одѣялъ и подушекъ, служащихъ вмѣсто постели. Самые скудные болгарскіе дома содержатся чисто. Полъ въ нихъ земляной, гладкій, еженедѣльно смазывается глиною, также точно какъ и стѣны дома внутри и снаружи. Домашняя утварь, посуда, платье и постельныя принадлежности ежедневно чистятся и провѣтриваются. Вездѣ видна рука дѣятельной хозяйки. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ нерѣдко находятся въ стѣнахъ тайники и подземныя помѣщенія, гдѣ прячется болѣе дорогое имущество отъ нежданныхъ и незванныхъ посѣтителей.

Болгаринъ—земледѣлецъ, а потому и образъ его жизни имѣетъ тѣсную связь съ этою отраслью дѣятельности. Во время полевыхъ работъ онъ занимается обработкою принадлежащаго ему участка земли, или же нанимается на такую же работу къ какому нибудь богатому землевладѣльцу, греку или армянину. Развлеченія для него составляютъ ярмарки, на которыя собирается все окрестное населеніе. «Обыкновенно, говоритъ Альбертъ Дюмонъ [1]), долго жившій въ Болгаріи и хорошо изучившій эту страну, въ октябрѣ, по окончаніи сельскихъ работъ, на полѣ разбиваются два ряда шатровъ, въ которыхъ помѣщаются продавцы и покупатели. Позади ихъ разставляются повозки; нѣсколько далѣе пасутся длиннорогіе волы и табуны лошадей. Въ одномъ мѣстѣ на открытомъ воздухѣ цѣликомъ жарятся гнята, въ другомъ происходитъ дѣятельная мѣна привезеннаго товару.

---

[1]) Le Balkan et l'Adriatique par Alb. Dumont, Paris.

Это простыя сукна и мелкія произведенія, столь необходимыя въ быту земледѣльца. Тутъ также можно видѣть зерновой хлѣбъ, мѣха, шерсть и шелкъ въ необработанномъ видѣ. Но что поражаетъ въ этихъ собраніяхъ, въ которыхъ нерѣдко бываетъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ,—это отсутствіе всякаго оживленія, нигдѣ не слышно ни пѣсни, ни звука музыкальнаго инструмента! Толпа молча движется, упорно сохраняя самое мрачное настроеніе. Не смотря на то, что у болгаръ есть также и свой народный танецъ, называемый ими хоро, но и онъ нисколько не вызываетъ обычнаго танцамъ одушевленія. Въ хоро принимаютъ участіе отъ 20 до 30 дѣвушекъ въ разъ; взявшись за руки, онѣ составляютъ длинную вереницу, которую ведетъ обыкновенно молодой человѣкъ; онъ ускоряетъ или замедляетъ движеніе участвующихъ. У грековъ существуетъ тотъ же самый танецъ; но у нихъ вся прелесть его заключается въ равномѣрныхъ и исполненныхъ граціи движеніяхъ, совпадающихъ съ ритмомъ музыки.

Ничто такъ не выражаетъ характера народа, какъ его пѣсня. Въ ней высказывается его взглядъ на окружающую природу, которую онъ призываетъ какъ свидѣтельницу и участницу своихъ радостей и горя. Судьбы его прошедшаго и то впечатлѣніе, какое это прошедшее производитъ на душу, также находятъ мѣсто въ пѣснѣ. Въ ней народъ отражается, какъ въ чистомъ зеркалѣ водъ, со всѣмъ, что ему мило и немило, со всѣмъ своимъ внутреннимъ міромъ. И въ ней, наконецъ, почти всегда ярко горитъ надежда на лучшее будущее. Но едва ли что нибудь подобное можно найти въ пѣснѣ болгарина. Эпизоды народной болгарской пѣсни отличаются крайнею неразвитостію и стоятъ одиноко, безъ всякой связи между собою. Едва какая нибудь мысль зарождается среди множества не имѣющихъ никакого значенія словъ, какъ тотчасъ же она и исчезаетъ безслѣдно, подобно ручью, показавшемуся на мгновеніе между нагроможденными на него камнями. Представленія въ ней до того просты и несложны, что напоминаютъ собою лепетъ ребенка. Но несвязность и неясность содержанія пѣсни болгарина еще болѣе дѣлаются замѣтными, когда въ ней идетъ рѣчь о предметахъ религіозныхъ, о которыхъ онъ имѣетъ самыя смутныя понятія. Замѣчательно, что въ болгарской пѣснѣ нѣтъ героя, нѣтъ лица, къ которому бы народъ устремлялъ свои лучшія желанія, какъ будто настоящая дѣйствительность связала его по ногамъ и рукамъ, и не пускаетъ ни въ міръ прошедшаго, ни въ чаяніе будущаго. По временамъ въ пѣснѣ появляется мѣстный блюститель порядка, скромный заптія; въ немъ власть и сила, и онъ вершитель всѣхъ дѣлъ, играющій роль древней судьбы... Если болгаринъ умираетъ, то онъ съ наслажденіемъ оставляетъ этотъ міръ плача и

постояннаго страданія. Какъ во всемъ этомъ виденъ народъ, который свыкся съ своимъ игомъ и въ которомъ нравственная энергія до того убита, что онъ изъ-за своего непривлекательнаго настоящаго не можетъ видѣть другаго будущаго, какъ только загробной жизни! При такомъ душевномъ безсиліи, овладѣвшемъ народомъ, дѣлаются понятными тѣ страшныя неистовства турокъ, которыя они выносили. Въ сербскую и въ русско-турецкую войны были минуты, когда болгарскій народъ похожъ былъ на стадо овецъ, покорно подставлявшихъ свою шею подъ ножъ мясника.

Лучшаго, болѣе достойнаго выраженія народнаго чувства въ болгарской пѣснѣ нужно искать у болгаръ, живущихъ въ Родопскихъ горахъ, въ Деспото-Планинѣ. Тамъ сохранилось многочисленное племя, мало кому извѣстное и посѣщаемое только одними купцами, доставляющими туда транспорты съ виномъ и масломъ. Это племя болгаре-помаки. Помаки исповѣдуютъ мусульманскую религію, хотя о коранѣ имѣютъ весьма слабое понятіе; ихъ родной языкъ болгарскій. Типъ этого народа чисто горный. Высокаго роста, съ черными вьющимися волосами и съ прекрасными выразительными глазами, они во всѣхъ своихъ движеніяхъ обнаруживаютъ много живости и врожденнаго изящества. Помаки обладаютъ громаднымъ количествомъ пѣсенъ, между которыми есть много такихъ, которыя относятся къ самой глубокой древности. Однѣ изъ нихъ описываютъ выходъ этого воинственнаго славянскаго племени изъ странъ, лежащихъ по ту сторону Карпатъ, и борьбу его на пути къ тихому, бѣлому Дунаю съ разными чудовищами; другія говорятъ о разселеніи его въ горахъ Гемуса и Родопа. Древнія вѣрованія, упоминаемыя въ пѣсняхъ помаковъ, представляютъ олицетвореніе силъ природы: солнца, огня, облаковъ, молніи и т. п. Земля изображается въ нихъ во время зимы, въ видѣ женщины, спящей въ пещерѣ; весною солнце снимаетъ съ нея тяжелые снѣжные покровы и своимъ дыханіемъ призываетъ къ жизни. И въ пѣсняхъ помаковъ, также точно какъ и въ пѣсняхъ сербовъ, являются самовилы, дивы, упыри. Но пѣсня этого народа представляетъ и его первобытный земледѣльческій бытъ, мирную обработку полей: ихъ вожди проводятъ борозду по пашнѣ и собираютъ созрѣвшіе колосья. Пѣсни болгаръ-помаковъ собраны Верковичемъ [1]). Замѣтивъ между ними общее содержаніе, онъ соединилъ ихъ въ одно цѣлое и этимъ возбудилъ сомнѣнія въ подлинности ихъ. Тѣмъ не

---

[1]) Веда Словена Блъгарски народни песни отъ предисторично и предхристиянско доба, открилъ и въ Тракия и Македония и издалъ Ст. Верковичъ. Београдъ. 1874.

менѣе эти пѣсни представляютъ богатый матеріалъ для безпристрастнаго изслѣдованія, быть можетъ, самой древней героической и бытовой эпохи жизни славянъ.

Стремленіе болгаръ къ пріобрѣтенію независимости выразилось сначала въ борьбѣ съ невѣжествомъ массъ и въ учрежденіи народныхъ школъ; потомъ въ борьбѣ съ греческимъ духовенствомъ и въ освобожденіи отъ его притѣсненій роднаго языка. Наконецъ, русскому оружію суждено было даровать имъ политическое существованіе.

«Между болгарами почти нѣтъ бѣдныхъ; Болгарія есть страна общаго довольства», говорятъ люди, исходившіе ее во всѣхъ направленіяхъ, и при томъ въ недавнее военное время, когда народъ выносилъ всѣ тягости войны. Такому благосостоянію страны способствуютъ какъ замѣчательно богатыя ея почвенныя и благопріятныя климатическія условія, такъ и необыкновенная трезвость и бережливость народа. Богатство болгаръ состоитъ въ обиліи хлѣба, въ виноградникахъ, въ шелковичныхъ плантаціяхъ и въ скотѣ. У рѣдкаго изъ нихъ нѣтъ двухъ, трехъ буйволовъ, одного, другаго десятка овецъ, а нерѣдко и пары лошадей. Если не всякая изба въ болгарскомъ селѣ обращаетъ на себя вниманіе своею обширностію, за то въ каждой можно найти всю необходимую домашнюю утварь, разную посуду, прекрасную постель, одѣяла и ковры. А если открыть помѣщающіеся въ стѣнахъ тайники, то въ нихъ найдутся цѣлые склады всякаго платья изъ шерсти и даже шелка. Въ пищѣ также не отказываетъ себѣ болгарская семья и, по своему, ѣстъ хорошо. Однимъ словомъ, въ быту простолюдина зажиточнѣе болгарина трудно быть. Но въ такомъ случаѣ откуда же жалобы на бѣдственное состояніе населенія, на его угнетеніе? Эти жалобы слѣдуетъ объяснить непрочностью собственности въ Болгаріи. Каждый сборщикъ податей, каждый полицейскій ага могъ забрать все достояніе болгарина, и на это не было никакого суда. Благосостояніе болгарина, это именно то благосостояніе, даже то богатство, которое существуетъ десятки лѣтъ у подножія огнедышащаго кратера; полилась лава и въ мигъ ничего не осталось... Такою лавою по отношенію къ болгарскому населенію была очень часто турецкая администрація, безслѣдно уничтожавшая не только труды годовъ, но даже и тѣхъ, которые трудились... Неувѣренность въ томъ, чѣмъ человѣкъ можетъ владѣть и располагать, неувѣренность въ жизни, этомъ самомъ драгоцѣнномъ изъ всѣхъ благъ, вотъ что заставляло болгаръ жаловаться на свое положеніе и находить его подъ-часъ невыносимымъ, не смотря на всю его внѣшнюю удовлетворительность. Слѣдуетъ упомянуть еще и о другихъ врагахъ болгарской самостоятельности, именно о чорбаджіяхъ. Это тѣ-же

міроѣды, обогатившіеся на счетъ народа и покорные слуги турокъ, обдѣлывавшіе при ихъ помощи свои дѣла. Во время войны они постоянно созывали у себя турецкихъ эмисаровъ и даже покровительствовали баши-бузукамъ. Чорбаджіи не только прятали у себя награбленныя турками у болгаръ вещи, но, разсказываютъ, были между ними даже и такіе, которые наводили турокъ на истребленіе болгарскихъ деревень и указывали имъ на болѣе богатыхъ своихъ соотечественниковъ...

VIII.

Ожидали ли насъ въ Константинополѣ? — Возвращеніе въ С.-Стефано по желѣзной дорогѣ.—Остатки стѣнъ Византіи.—Князь В. А. Черкасскій, какъ устроитель Болгаріи.

Въ С.-Стефано я рѣшилъ отправиться на другой день по желѣзной дорогѣ. Но едва я успѣлъ позавтракать, какъ зашелъ ко мнѣ мой великій грекъ, иначе Ѳедоръ Николаевичъ.

— Извѣстно ли вамъ, спросилъ я его,—ожидали-ли турки, что русскіе займутъ Константинополь?

— «О, какъ еще ожидали. Когда прибылъ сюда адріанопольскій губернаторъ, сопровождаемый нѣсколькими тысячами бѣглецовъ, и объявилъ, что русскіе въ Адріанополѣ, то уже никто не сомнѣвался, что такая же участь готовится и Истамбулу, и что здѣсь будутъ подписаны условія мира. Даматъ-паша, по полученіи извѣстія о наступленіи русскихъ, совершенно потерялъ голову; да и кто только не терялъ ее тогда! Султанъ настоятельно требовалъ отъ него совѣта: что дѣлать? а онъ только и отвѣчалъ: «Аллахъ великъ!» и возводилъ глаза къ небу. Первая мысль султана была бѣжать въ Бруссу; уже было заготовлено для этого нѣсколько пароходовъ. Но его напугали, что русскіе воспользуются отсутствіемъ падишаха и навсегда останутся въ Константинополѣ. Тогда султанъ хотѣлъ было поручить себя покровительству принца Рейса, какъ представителя дружественной Россіи державы и дать ему обязательство, что онъ заранѣе согласится на всѣ условія, которыя предложитъ побѣдитель. Но этого не допустилъ Лайярдъ. Онъ постоянно твердилъ, что русскіе никогда не войдутъ въ Константинополь; что движеніе русской арміи по направленію къ столицѣ не болѣе, какъ демонстрація, и что, во всякомъ случаѣ, это движеніе будетъ во-время остановлено распоряженіемъ изъ Петербурга. Тогда же были введены англійскіе суда въ Дарданеллы. Что же? и вышло такъ, какъ говорилъ Лайярдъ».

— А что, русскіе встрѣтили бы сильное сопротивленіе въ Константинополѣ?

— «Я думаю, что никакого сопротивленія ни въ какомъ случаѣ не было бы. Въ городѣ существовала паника. Войска были утомлены и деморализованы. А народъ не имѣлъ никакого желанія защищать правительство и скорѣе отъ побѣдителя, чѣмъ отъ кого другого, ожидать улучшенія своего положенія и избавленія отъ тягостей

войны. Дѣло бы окончилось нѣсколькими выстрѣлами. Вамъ слѣдовало бы занять Галлиполи, запереть Дарданеллы, — и Константнополь былъ бы у вашихъ ногъ. Тогда бы запѣли другую пѣсню. Но англичане предупредили васъ».

Поѣздъ отходитъ въ 1 часъ. Сказавъ до свиданія обязательному Ѳедору Николаевичу, я поспѣшилъ къ вокзалу желѣзной дороги и сѣлъ въ вагонъ почти съ третьимъ звонкомъ.

Обогнувъ мысъ Сераля, поѣздъ идетъ сначала морскимъ берегомъ вдоль стѣнъ древней Византіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще можно видѣть ихъ. Впереди, по всей вѣроятности, существовали глубокіе рвы, наполняемые водою. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ мелькаютъ массивные остатки башень, въ которыхъ сосредоточивались грозныя для непріятеля силы. Теперь въ нихъ пріютилось нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Вѣчно юная и никогда не истощающаяся природа одѣваетъ богатымъ покровомъ деревьевъ, плюща и цѣтовъ эти развалины и невольно примиряетъ съ разрушительною рукою времени. Пролетѣвъ мимо знаменитаго семибашеннаго замка (прежняго Киклобіонъ или Пентапиргіонъ), миновавъ «Золотыя ворота», украшенныя когда-то статуями и барельефами, мы вошли въ глубину страны. Чрезъ «Золотыя ворота» имѣли торжественный въѣздъ тріумфаторы. Но послѣ тріумфа надъ болгарами императора Василія, они были заложены, по случаю распространившагося пророчества, что чрезъ нихъ должны войти въ Константинополь латиняне. Въ такомъ же положеніи оставили ихъ и турки, ожидая, что чрезъ нихъ должны войти христіане... При первомъ взглядѣ на представившуюся намъ мѣстность мы были поражены ея заброшенностію. Огромныя пространства превосходной земли, обладающія наилучшими атмосферическими и почвенными условіями для всякаго рода культуры, въ въ столь близкомъ разстояніи отъ столицы, при самыхъ удобныхъ средствахъ сообщенія моремъ и желѣзнымъ путемъ, остаются невоздѣланными!... Эти земли принадлежатъ турецкому правительству, которому, конечно, не представляется даже мысль извлекать изъ нихъ какую нибудь пользу.. А между тѣмъ тутъ могли бы быть разведены плантаціи риса, для которыхъ имѣется вполнѣ достаточное естественное орошеніе... Могли бы быть насажены фруктовые сады, виноградники, прекрасные огороды. Турокъ—другъ природы; онъ инстинктивно любитъ садоводство. Но некому взяться за дѣло, некому дать ему надлежащій толчекъ. Это не какая нибудь заграничная поставка, немедленно дающая милліоны барыша предпринимателю... Вправо остаются древнія Адріанопольскія ворота. Они еще довольно хорошо сохранились. Стоящіе позади ихъ два минарета смѣло уносятся

въ голубое небо и составляютъ пріятную противоположность съ стратегическою массивностію древняго укрѣпленія. Пролетѣвъ чрезъ с. Маврикіой, лежащее на половинѣ пути, мы стали подъѣзжать къ С. Стефано. Раздался свистокъ локомотива, и дребезжащій голосъ оборваннаго кондуктора, въ которомъ акцентъ изобличалъ сына Вѣны, извѣстилъ насъ о концѣ нашего путешествія. Съ С.-Стефанской станціи желѣзная дорога состоитъ въ распоряженіи русскихъ военныхъ властей и употребляется преимущественно для нуждъ арміи. На станціи нашъ офицеръ исправляетъ обязанности коменданта. У вокзала ни повозки, ни лошади, и потому пришлось снова познакомиться съ с.-стефанской грязью, которая въ этой части города еще болѣе глубокая, еще болѣе клейкая и втягивающая. Надо было выбирать чуть замѣтную тропинку впереди палатокъ нашего лагеря, причемъ пришлось удивляться энергіи нашего солдата, который, не смотря на вынесенныя и выносимыя невзгоды, не теряетъ своей молодецкой удали. Вездѣ веселіе, смѣхъ и пѣсни, точно ничего и не было.

Въ С.-Стефано русскіе и не русскіе много говорятъ о князѣ В. А. Черкасскомъ. Смерть сразила его въ самомъ разгарѣ дѣятельности, когда еще не успѣли обозначиться ея результаты. При такомъ условіи мнѣнія о ней не могли сложиться сколько нибудь опредѣленно. Удивительнѣе всего то, что кн. Черкасскій не оставилъ послѣ себя большихъ симпатій. Даже люди, завѣдомо къ нему расположенные, ограничивались въ своихъ воспоминаніяхъ однѣми холодными похвалами его уму и его организаторскимъ способностямъ. Большинство же и среди его лица, принимавшія участіе въ административныхъ работахъ на Балканскомъ полуостровѣ, представляютъ покойнаго какъ тяжелаго деспота и какъ узкаго честолюбца, болѣе заинтересованнаго своею личною ролью, чѣмъ судьбою Болгаріи... Такіе отзывы черезчуръ неожиданны и имъ какъ-то трудно вѣрится; но отголоски ихъ проникали довольно часто и въ нашу періодическую печать. Привожу наиболѣе выдающееся изъ того, что мнѣ довелось слышать.

Въ Кишиневѣ одинъ изъ членовъ одесскаго болгарскаго настоятельства предлагалъ князю Черкасскому распространить между болгарами, отъ имени настоятельства, что-то въ родѣ окружнаго посланія, въ которомъ населеніе приготовлялось къ братской встрѣчѣ нашихъ войскъ. Во главѣ настоятельства стоялъ мѣстный преосвященный, теплое слово котораго, безъ сомнѣнія, проникло бы въ сердца народа. Кромѣ того, имя болгарскаго настоятельства, изъ котораго вышло не мало борцовъ за свободу Болгаріи и которое дало лучшихъ учителей народныхъ школъ, достаточно извѣстно каждому болгарину. Можно было надѣяться, что предлагаемое воззваніе не было бы гласомъ

вопіющаго въ пустынѣ и, во всякомъ случаѣ, оно не испортило бы дѣла. Что же отвѣтилъ князь? Отступивъ нѣсколько шаговъ и принявъ угрожающій видъ, онъ спросилъ: «неужели вы думаете, что ваше посланіе будетъ имѣть больше значенія, чѣмъ 250 тыс. русскихъ штыковъ?»... Этотъ отвѣтъ, неделикатный по отношенію къ лицу, явившемуся съ самыми благими намѣреніями, и съ самаго начала неправильно опредѣлявшій наши отношенія къ болгарамъ, можетъ быть поставленъ девизомъ дѣятельности русскаго управленія. Говорятъ, что князь признавалъ для Болгаріи больше пользы отъ обнаруженія нашей силы, чѣмъ отъ спокойнаго примѣненія соотвѣтствующихъ административныхъ мѣръ. Этимъ объясняютъ оказанное предпочтеніе военнымъ, вызваннымъ для устройства страны. Большинство изъ нихъ, безспорно, имѣло свои достоинства, но не знало ни исторіи народа, ни условій его жизни въ настоящее время. А безъ этого какой идеалъ могъ составиться у нихъ для предстоявшей дѣятельности? Но князь желалъ одного точнаго, чисто формальнаго, выполненія своихъ распоряженій и требовалъ одного слѣпаго подчиненія себѣ. Извѣстный болгарскій ученый, если не ошибаюсь, Беронъ, предложилъ значительныя денежныя средства на устройство школъ въ родной землѣ и встрѣтилъ со стороны кн. Черкасскаго такой пріемъ, что ему, ветхому старцу, оставалось только заплакать!... Чѣмъ объяснить подобное безсердечіе?.... Ни въ чемъ болгаре не должны были выказывать своего національнаго чувства, и все то, что имѣло видъ содѣйствія съ ихъ стороны дѣлу освобожденія родины, принималось чуть не какъ преступленіе. «Дѣло будетъ сдѣлано помимо васъ»,—круто отвѣтилъ князь болгарскимъ депутатамъ, пришедшимъ просить оружія...

Относясь съ крайнею суровостію къ людямъ хорошимъ и нерѣдко оскорбляя ихъ, князь Черкасскій охотно сближался съ чорбаджіями, этими пьявками болгарскаго народа, которые служили и туркамъ, и грекамъ, лишь бы при ихъ содѣйствіи обдѣлывать свои дѣла на счетъ простаго народа. Эти люди все употребляли, чтобы возбудить въ русской администраціи недовѣріе къ живымъ силамъ народа, и имъ болгаре обязаны, что долгое время изъ нихъ не формировали дружинъ, которыя могли бы быть весьма полезнымъ резервомъ для нашей арміи. Болгаре не несли ни малѣйшихъ тягостей войны: ни провіантомъ, ни людьми, ни обозомъ. Даже бѣглецы, едва ускользнувшіе отъ турецкаго ножа, не находили большаго сочувствія къ своей злосчастной судьбѣ. Обыкновенная политическая мудрость кн. В. А. Черкасскаго, въ этомъ случаѣ, была обойдена происками своекорыстныхъ людей.

Но иногда вдругъ отдавалось приказаніе строго блюсти за инте-

ресами населенія и за охраненіемъ его имущества. Тогда болгаре, вообще чуждые славянскому радушію, наотрѣзъ отказывались исполнять самыя существенныя надобности войскъ. Отсюда непріятныя сцены, отсюда дѣйствія нагайки и столкновенія военныхъ властей съ органами гражданскаго управленія. Кн. Черкасскій обнаружилъ замѣчательныя организаторскія способности, управляя гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ. Разъ задуманный планъ неукоснительно и съ желѣзною волею проводился имъ во всѣ мельчайшія развѣтвленія жизни. Все заранѣе было предусмотрѣно и для всего указано было свое мѣсто. Къ удивленію, ничего подобнаго не было положено въ основаніе устройства Болгаріи. Напротивъ, все тамъ имѣло характеръ случайности и многія мѣры принимались, точно, по вдохновенію. Весьма часто то, что признавалось хорошимъ сегодня, измѣнялось завтра... Иногда достаточно было получаса, чтобы самымъ кореннымъ образомъ перемѣнить взглядъ на дѣло!... Ближайшіе сотрудники князя были утомлены до крайности не только непомѣрною дневкою, но даже и ночною работою, безпрестанно перевершаемою... Уже послѣ кончины князя Черкасскаго, какъ бы въ подтвержденіе того, что въ дѣлѣ устройства въ Болгаріи не было ни плана, ни строгой системы, мнѣ самому пришлось слышать слѣдующій отзывъ одного лица, занимавшаго важный административный постъ: «никакого плана у насъ нѣтъ, никогда не существовало, да въ немъ нѣтъ и надобности. Только издали дѣло представляется труднымъ, а вблизи оно каждому по плечу: вѣдь не святые же лѣпятъ горшки»...

Князь Черкасскій имѣлъ вокругъ себя множество лишнихъ людей, пользовавшихся на счетъ страны большимъ содержаніемъ. По всей вѣроятности, эти люди составляли контингентъ будущихъ администраторовъ и подготовлялись къ ожидающимъ ихъ обязанностямъ, что видно изъ того, что они носили названія губернаторовъ Варны, Шумлы и т. п., занятіе которыхъ даже не входило въ стратегическіе планы. Подобныя назначенія, въ полномъ смѣслѣ in partibus infidelium, были настоящими синекурами, въ особенности, если принять во вниманіе совершенную непригодность большинства этихъ лицъ.

Приведенные отзывы не могутъ служить основаніемъ для сужденія о личности князя Черкасскаго. Въ нихъ можно найти лишь объясненіе тѣхъ трудныхъ и часто неотвратимыхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ ему приходилось дѣйствовать и благодаря которымъ онъ иногда платилъ дань своей человѣческой природѣ. Нельзя однако же упустить изъ виду, что въ тѣхъ же отзывахъ, рядомъ съ излагаемыми событіями, видна примѣсь чувствъ личнаго свойства и взгляды людей, еще волнуемыхъ слишкомъ близкимъ временемъ.

Освѣщенные иначе и переданные съ большимъ спокойствіемъ, эти отзывы дали бы другое, болѣе безпристрастное объясненіе. Какъ бы то ни было, окончательное заключеніе о князѣ В. А. Черкасскомъ, какъ о дѣятелѣ болгарскаго освобожденія, въ настоящее время невозможно. Со всею справедливостію можно сказать, только одно, что въ этомъ дѣлѣ онъ представлялъ собою величину перваго порядка. Его умъ, сильный, ясный, просвѣщенный и богатый опытомъ предшествовавшей организаторской дѣятельности на поприщѣ гражданскомъ и государственномъ, какъ бы заранѣе предназначалъ его исполнителемъ выпавшей ему задачи. Онъ самоотверженно любилъ Россію и твердо вѣрилъ въ ея историческое призваніе посреди другихъ славянскихъ народностей. И только руководимый одними этими побужденіями, но ничѣмъ другимъ, онъ принялъ на себя великій подвигъ воззванія къ гражданской жизни народа, несшаго на себѣ гнетъ пятисотлѣтняго рабства.

Походная, исполненная всевозможныхъ тревогъ и лишеній, жизнь, громъ оружія и стоны раненыхъ не представляли той благопріятной обстановки, при которой мысль работаетъ спокойно и правильно, безпрестанно провѣряя себя. Быстрые переходы нашей арміи во вторую половину кампаніи, создававшіе не по днямъ, а по часамъ новыя условія жизни для освобожденной страны, заставляли спѣшить. Въ свою очередь, страна представляла много новаго. Узнать, какъ слѣдуетъ, это новое не было возможности въ такое спѣшное время. Въ нашей же литературѣ (да и въ иностранной), вообще бѣдной по описанію южныхъ славянъ, не было подходящаго матеріала. Трудно сказать, было-ли его болѣе въ сообщеніяхъ нашихъ агентовъ. Вотъ тѣ смягчающія обстоятельства, которыя могли имѣть болѣе или менѣе неблагопріятное вліяніе на дѣятельность кн. В. А. Черкасскаго, Историку освобожденія Болгаріи предстоитъ рѣшить, что̀ имъ сдѣлано для страны, и указать его ошибки. Во всякомъ случаѣ возрожденная Болгарія навсегда свяжетъ съ своимъ именемъ имя князя Черкасскаго, перваго своего устроителя. И кто бы ни былъ послѣ него, ему будетъ отведено второстепенное мѣсто, какъ человѣку, для дѣятельности котораго уже существовалъ намѣченный другою рукою слѣдъ. Идти по этому слѣду, въ виду предстоящаго замиренія страны, будетъ безъ сравненія легче, чѣмъ проводить его вновь, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій.

Князь Черкасскій заболѣлъ въ Тырновѣ. У него сдѣлалась злокачественная лихорадка, называемая въ южныхъ странахъ malaria. Переходъ черезъ Балканскія горы онъ сдѣлалъ большею частью пѣшкомъ, при самой ненастной погодѣ. По прибытіи въ Адріанополь,

болѣзнь его приняла острый характеръ: сдѣлалось разлитіе желчи. Но отдохнувъ нѣсколько дней и почувствовавъ себя немного лучше, князь, вопреки совѣтамъ медиковъ, рѣшился ѣхать въ С.-Стефано. Новыя тревоги, новыя усиленныя занятія и волненія не могли не дѣйствовать разрушительно: они сломили его. Вечеромъ 18-го февраля съ княземъ В. А. Черкасскимъ сдѣлался ударъ, лишившій его языка, а въ 5 ч. утра 19-го февраля 1878 г. ударъ повторился и князя не стало...

Въ этотъ же день подписанъ С.-Стефанскій трактатъ. Кн. Черкасскій не дожилъ до фактическаго утвержденія освобожденной Болгаріи, для которой, что бы ни говорили, онъ сдѣлалъ много, въ особенности, если принять во вниманіе тѣ условія, которыя окружали его въ это время и устранить которыя не было въ его власти.

IX.

Предполагающееся свиданіе великаго князя главнокомандующаго съ султаномъ. — Контрактъ съ Р. Общ. Пароходства и Торговли о перевозкѣ войскъ. — Поѣздка въ Константинополь. — Болгарскій патріотъ и мечты о будущности славянства.

Какъ слышно, идутъ переговоры между главной квартирой и отоманскимъ правительствомъ о свиданіи вел. кн. главнокомандующаго съ султаномъ. Великому князю предлагаютъ посѣтить Константинополь при соблюденіи строгаго инкогнито и съ небольшой свитой. У насъ, напротивъ, желаютъ придать этому свиданію какъ можно болѣе торжественности... Русскіе офицеры не смѣютъ показываться въ Константинополь въ своей формѣ; они могутъ бывать тамъ только въ гражданскомъ платьѣ; каждый разъ имъ выдается дозволеніе отъ начальства. Пока этимъ пользуются очень немногіе.

Вчера главнокомандующій подписалъ контрактъ съ Русск. Общ. Пар. и Торговли о перевозкѣ войскъ. Мысль о возвращеніи на родину представляется для всѣхъ желанною. Перевозка должна начаться съ половины марта. Мѣсто посадки на суда назначено въ Буюкъ-Дере, о чемъ предупреждено турецкое правительство. Пароходъ Владиміръ посланъ туда, для ознакомленія съ мѣстностію залива, съ его глубиною и грунтомъ. Съ этою цѣлью дѣлаются необходимые промѣры.

Константинопольскія газеты передаютъ двѣ интересныя новости: во первыхъ, оправданіе Рефетъ-бея, бывшаго секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ и лишеннаго должности и орденовъ по обвиненію Лайярдомъ въ шпіонствѣ въ пользу русскихъ. Теперь Рефетъ-бею не только возвращены его прежнія достоинства, но даже султанъ счелъ нужнымъ публично извиниться передъ нимъ. Въ указѣ о новомъ его назначеніи сказано: «его вел. султанъ, убѣдившись, что обвиненія Рефетъ-бея созданы клеветою, соизволилъ возстановить его во всѣхъ прежнихъ достоинствахъ» и проч. Это очень не понравится англичанамъ; но они найдутъ случай вознаградить себя. Другая новость относится къ скорому возвращенію Османа-паши. Извѣстіе это возбуждаетъ неудовольствіе въ средѣ военныхъ. При отсутствіи увѣренности въ мирныхъ результатахъ С.-Стефанскаго договора и при все болѣе и болѣе увеличивающейся заносчивости турокъ, такая мѣра признается слишкомъ поспѣшною. Впрочемъ, пословица говоритъ: одинъ въ полѣ не воинъ, и Османъ-паша, не смотря на его способности, не замѣнитъ собою арміи, а создать новую армію Турція едва-ли будетъ въ состояніи, въ теперешнемъ своемъ положеніи.

Довелось слышать нѣкоторыя замѣтки на С.-Стефанскій договоръ.... Повидимому, основанія для образованія выдѣляемыхъ изъ Турціи княжествъ были приняты этнографическія. Что же заставило отдѣлить отъ Сербіи слѣдующія мѣста, составляющія для каждаго серба историческую святыню: Прилѣпъ, въ которомъ еще доселѣ видны развалины замка Марка-Кралевича; Призрѣнъ, столицу Неманичей, Царьградъ ихъ; Печь, обитель св. Арсенія и древнее мѣстопребываніе сербскихъ патріарховъ; Дечаны, мѣсто подвиговъ Милицы, въ монашествѣ Евгеніи, вдовы злосчастнаго короля Лазаря, и, наконецъ, Коссово, гдѣ этотъ король палъ въ борьбѣ съ Амуратомъ? По С.-Стефанскому договору Вранья и Пиротъ должны быть отданы болгарамъ.... Говорятъ о предположеніи отдать румынамъ Добруджу!

Снова заволокло небо свинцовымъ пологомъ. Дождь идетъ, не переставая, мелкій, холодный дождь, точно у насъ на сѣверѣ въ ноябрѣ. Сидѣть въ такую погоду одному, да притомъ въ нетопленной комнатѣ, нестерпимо. И вотъ я снова задумалъ отправиться въ Константинополь. По крайней мѣрѣ, тамъ, даже если и продолжится ненастье, можно забыть лагерныя неудобства, согрѣться въ уютной комнатѣ Византійской гостинницы, хорошо пообѣдать и узнать изъ газетъ, что дѣлается въ Европѣ и какія ея намѣренія въ отношеніи насъ. Добравшись кое-какъ до турецкаго парохода, я тотчасъ спустился въ каютъ-компанію, довольно обширную залу, также грязную, какъ и другія части этого судна. Пароходный кафеджи подалъ мнѣ чашку вкуснаго кипящаго кофе, и я, прихлебывая понемногу, сталъ всматриваться въ окружавшую меня публику. Русская рѣчь смѣло и бойко раздавалась въ разныхъ мѣстахъ, обнаруживая, вмѣстѣ съ высокими сапогами, инкогнито нашихъ офицеровъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были турецкія фески. Остальное населеніе парохода, состоявшее изъ турокъ и мѣстныхъ грековъ, имѣло видъ приниженный и какъ-то боязливо озиралось по сторонамъ. Пройдя мимо маяка и зданія пороховаго завода, нашъ пароходъ вошелъ въ Золотой Рогъ и бросилъ сходни у моста, ведущаго въ Галату. На мое счастье нашлась карета и я черезъ какихъ нибудь четверть часа былъ у себя въ номерѣ, а спустя 10 мин. уже сидѣлъ въ обширной столовой отеля. Обѣдало человѣкъ сорокъ, люди разныхъ націй, повидимому коммиссіонеры торговыхъ конторъ, журналисты и просто туристы; въ числѣ ихъ находилось нѣсколько дамъ, англичанокъ или американокъ. Все было сдержанно, впору, разговоры, тонъ рѣчи и самый темный цвѣтъ костюмовъ, ни чѣмъ не обращавшихъ на себя вниманія; какъ вдругъ является новое лицо, новый гость, и точно по какому волшебному знаку умолкли разговоры и взоры всѣхъ обратились на пришельца

или, вѣрнѣе, на его блестящіе интендантскіе погоны. . Тутъ я впервые понялъ неудобство форменнаго платья, среди однообразія одежды гражданскаго покроя; человѣкъ точно на выставкѣ и, конечно, не можетъ оставаться въ пріятномъ настроеніи духа. Но еще бо̀льшія неудобства оказались впереди. Едва г. Михн. сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ къ нему подошелъ турецкій офицеръ и въ самыхъ отборныхъ французскихъ выраженіяхъ спросилъ: «по какому праву онъ въ военной формѣ?» Далѣе каждые десять, двадцать шаговъ его окружали толпы женщинъ и дѣтей, просившихъ милостыню и въ то-же время не обращавшихъ ни малѣйшаго вниманія на другихъ, одѣтыхъ въ обыкновенное платье.... Кстати здѣсь замѣтить, что нищихъ въ Истамболѣ встрѣчается немало. Это результаты народной бѣдности, увеличиваемой событіями войны. Бездомные бѣглецы-мусульмане ежедневно прибываютъ во множествѣ. На улицахъ то и дѣло встрѣчаются женщины, дѣти, старики, протягивающіе руку. Женщины снимаютъ съ лица покрывало и плачутъ, указывая на страшно исхудавшихъ дѣтей. Обѣдненіе народонаселенія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ обогащеніе рынка невольницъ, который, не смотря на международные трактаты, существуетъ въ Константинополѣ. Въ послѣднее время дѣвочки продавались по 200—250 фр., а негритянку можно было купить и вполовину дешевле.

Я уже собирался войти въ свою комнату, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ господинъ и назвалъ себя. Мы пошли вмѣстѣ. Я тотчасъ же узналъ въ пришедшемъ моего давнишняго знакомаго, съ которымъ приходилось встрѣчаться не разъ,—это старый болгарскій журналистъ и старый агитаторъ въ пользу идеи освобожденія болгарскаго народа. Помнится, что я его видѣлъ въ началѣ 1850 годовъ, и тогда уже пожилымъ человѣкомъ, въ Кіевѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ настоятелемъ Рыльскаго монастыря и гдѣ, если не ошибаюсь, собиралъ книги русской печати для болгарскихъ школъ. Послѣ того въ 1869 году онъ былъ у меня въ Одессѣ, по пути въ Петербургъ. Наконецъ, пришлось свидѣться еще въ третій разъ здѣсь. Много слѣдовъ оставило на немъ время; но по всей вѣроятности гораздо болѣе разныя неудачи, неисполнившіяся желанія, обманутыя надежды. Лицо какого-то страннаго кофейнаго цвѣта, заставившаго бы призадуматься антрополога надъ вопросомъ о расѣ, все изборожденное морщинами, всклокоченная сѣдая борода и два свѣтящихся яркимъ огнемъ угля подъ бѣлыми нависшими бровями. Трудно сказать сколько онъ истратилъ на народное дѣло денегъ и энергіи! Онъ когда-то былъ богатымъ человѣкомъ; теперь у него нѣтъ ничего. Онъ объѣздилъ всѣ европейскія столицы, нѣсколько разъ былъ въ Петербургѣ, бесѣдовалъ съ Нессельроде, съ Гизо, съ Тьеромъ

и съ Меттернихомъ и все объ одномъ и томъ же: когда окончатся страданія его народа?—все надѣющійся, все чающій утѣшенія Израилева. Теперь онъ, какъ ветхозавѣтный Симеонъ, можетъ благословить Бога и сказать: «нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ; ибо видѣста очи моя спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ».

Старый боецъ предсталъ въ томъ же изношенномъ черномъ фракѣ, въ которомъ я видѣлъ его прежде и въ которомъ онъ сидѣлъ на великолѣпной мебели пріемныхъ сильныхъ міра сего. Оно такъ и должно быть: боевая одежда не снимается во время боя. А бой продолжался, не переставая, въ теченіи всей его жизни!..... По прежнему онъ входилъ робко, садился, сначала молчалъ, какъ бы собирая мысли, боязливо осматривался по сторонамъ и начиналъ говорить, сначала тихо-несвязно, едва слышно, потомъ все болѣе одушевлялся и изъ его дряблаго тщедушнаго тѣла рѣчь лилась огненнымъ потокомъ. Говорилъ онъ, что въ болгарскомъ народѣ таятся невѣдомыя силы; что волею Провидѣнія иноплеменное иго сохранило ихъ въ дѣвственной неприкосновенности; что Россія испытывала то же самое, пока не окрѣпла, и теперь, достигнувъ возмужалости, подаетъ руку своимъ братьямъ; что союзъ Россіи съ славянскими племенами обѣщаетъ міру великія явленія, еще невѣдомыя въ исторіи. Союзъ этотъ непремѣнно будетъ; онъ могъ бы уже настать для блага всего человѣчества, если бы не политика... Тутъ рѣчь его мгновенно обрывалась. Слово это онъ выговаривалъ пулитика и произносилъ его съ какимъ-то болѣзненнымъ ужасомъ, боязливо озираясь по сторонамъ. По всему замѣтно, что отъ политики и политиковъ и ему пришлось испытать много горькаго.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ добровольно лишается состоянія, спокойствія, ведетъ скитальческую жизнь, исполненную всякихъ лишеній и тревогъ, для одной идеи, безъ малѣйшей увѣренности въ близкомъ торжествѣ ея! И даже въ случаѣ торжества, съ полнымъ сознаніемъ, что отъ этого для него лично не послѣдуетъ никакого матеріальнаго улучшенія!... Должно сознаться, что въ природѣ человѣка есть потребности выше матеріальнаго удовлетворенія. Божественный Сердцевѣдецъ зналъ это свойство нашей души, когда сказалъ: «не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ будетъ».

Настало прекрасное утро. Южное солнце посылало въ окна цѣлый снопъ огненныхъ лучей. На улицахъ мостовая начала просыхать. Сидѣть въ комнатѣ не приходилось, и я отправился на знаменитую Grande rue de Péra. Наскучивъ безтолковымъ движеніемъ толпы, оглушающими криками продавцевъ и носильщиковъ, я свернулъ въ сто-

рону и попалъ на одно изъ прежнихъ турецкихъ кладбищъ, расположенное среди густой кипарисовой рощи, на самой вершинѣ горы. Что за восхитительное мѣсто! По сторонамъ, среди темной зелени стройныхъ, какъ колонны, кипарисовъ, бѣлѣютъ мраморные памятники: подъ ними покоится счастливое поколѣніе, твердо вѣрившее въ могущество падишаха и даже не подозрѣвавшее самой возможности наступленія какого-то восточнаго вопроса,—этого современнаго пугала. Но... tempora mutantur!... Надъ нами шатеръ чистаго, какъ хрусталь, лазурнаго неба... А тамъ, впереди, голубое, прекрасное море, по которому, точно чайки, скользятъ бѣлые паруса! Еще далѣе туманная синева водъ и горъ—все такъ божественно хорошо, такъ мирно, что душа готова забыть свои обычныя тревоги и отдаться надолго созерцанію этихъ чудныхъ красотъ!.....

— «А я уже былъ у васъ, и теперь счастливый случай доставилъ мнѣ возможность увидѣть васъ»,—раздался позади меня знакомый голосъ народнаго бойца.

— Садитесь здѣсь, возлѣ меня, и будемъ говорить. На воздухѣ, да еще передъ такой картиной, бесѣда наша пойдетъ живѣе. Да что вы такой печальный сегодня? Что такое случилось? Говорите.

— «Я именно по этому поводу и заходилъ къ вамъ. Мнѣ говорили, что австріяки надѣются получить Босну и землю Херцега Штепана (Герцеговину), правда ли это?

— Весьма возможно.

— «Какъ? Чтобы поганый швабъ сосалъ славянскую кровь! Чтобы онъ вѣшалъ славныхъ герцеговинскихъ юнаковъ, которые первые подняли знамя свободы! Да, что же это такое? И неужели Россія допуститъ такое злодѣяніе?»

— Во-первыхъ, будемъ говорить тише, а то вонъ турки начинаютъ смотрѣть на насъ подозрительно; во вторыхъ, успокойтесь немного; страсть всегда плохой совѣтникъ. Видите ли, если это дѣйствительно случится, то каждый славянинъ отъ души пожалѣетъ, что на долю этихъ храбрыхъ и самоотверженныхъ герцеговинцевъ не выпала лучшая участь. Теперь о предполагаемомъ ихъ подчиненіи Австріи. Почему вы думаете, что боснякамъ и герцеговинцамъ будетъ хуже, чѣмъ у турокъ?

— «Я думаю, что будетъ хуже: австріакъ будетъ ворошить и вѣру народа, и его языкъ; турокъ этого никогда не дѣлалъ».

— Да, но онъ дѣлалъ больше: онъ вырѣзывалъ поголовно все населеніе... Вспомните башихъ несчастныхъ соотечественниковъ въ Батакѣ и въ Эскизагрѣ! Вѣру, а тѣмъ болѣе языкъ, уничтожить нельзя; духъ народа, заключающійся въ его религіи и въ его языкѣ, никогда не

поддастся никакому матерьяльному насилію, пока народъ этотъ существуетъ. Турки инстинктивно понимали это, и устроили батакскую рѣзню. Вспомните, чего только не дѣлали австрійцы, чтобы изъ чеховъ сдѣлать нѣмцевъ! Вспомните всѣ ужасы тридцатилѣтней войны, подвиги инквизиціи и ухищренія іезуитовъ!... И что-же? Теперь чехи несравненно болѣе сознаютъ свою національность, чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ едва ли не они одни обладаютъ самымъ чистымъ языкомъ, свободнымъ отъ всякой посторонней примѣси!... Нѣмецкая наука, нѣмецкая систематичность, однимъ словомъ, нѣмецкая культура оказала большую пользу чехамъ, какъ въ ихъ наукѣ, такъ и въ самомъ строѣ ихъ жизни: отъ чего же нѣмцамъ не имѣть того же благодѣтельнаго вліянія и на южныхъ славянъ? Быть можетъ у нихъ уменьшится число юнаковъ; на за то будетъ безспорно больше мирныхъ гражданъ, спокойно занимающихся своимъ дѣломъ. Среди герцеговинскихъ скалъ, на которыхъ теперь вьетъ гнѣздо одинъ орелъ, откроются невѣдомыя богатства, и о Босніи станутъ снова говорить, какъ когда-то, въ лучшія ея времена: Босна поносна, т. е. какъ о такой странѣ, которая достойна всякой похвалы, которая изобилуетъ всякими благами земными. Но будьте терпѣливы: ростъ историческихъ событій измѣряется не человѣческою жизнью. Не дожить намъ до этихъ дней. Когда они наступятъ, то, по всему вѣроятію, не будетъ и этихъ прекрасныхъ кипарисовъ, подъ которыми мы сидимъ. Въ жизни народовъ тоже, что передъ лицемъ Господа: вѣкъ — день единъ. Австрія не въ силахъ повредить идеѣ политическаго единства славянъ. Время для полнаго осуществленія этой идеи еще не настало; но нельзя не видѣть, что славянскія племена направляются къ ней какою-то таинственною силою. Эта сила заключается въ законѣ естественнаго сродства, естественнаго подбора, на основаніи котораго въ царствахъ животномъ и растительномъ однородныя особи инстинктивно стремятся другъ къ другу и въ взаимномъ союзѣ продолжаютъ свое дальнѣйшее развитіе. Тотъ же законъ естественнаго сродства существуетъ и въ области исторіи и также точно служитъ основою развитія народовъ. Наступитъ время, когда всѣ славянскія племена, почувствовавъ, что они братья между собою, подадутъ другъ другу руку, и поставивъ во главѣ своей старшаго брата, Россію, пойдутъ для свершенія своихъ судебъ чрезъ всѣ преграды также неудержимо, какъ неудержимо текутъ чрезъ разныя нѣмецкія преграды воды славянскаго Дуная въ родное ему Черное море!...

— «Такъ, такъ, милый Боже, да будетъ такъ!»

Съ восторгомъ въ лицѣ и почти шепотомъ заключилъ мой монологъ защитникъ народнаго дѣла, и пожалъ сильно мою руку.

— «Но пусть Россія хотя изрѣдка напоминаетъ намъ, что она не забыла насъ, и тогда мы готовы терпѣть и ждать столѣтія».

— Россія много сдѣлала для славянскаго дѣла: она посѣяла на поляхъ вашихъ сѣмена свободы костями сотень тысячь своихъ сыновъ и кровью ихъ полила эти всходы. Исторія славянства, тѣсно связанная съ исторіей Россіи, будетъ говорить каждому славянину объ этихъ подвигахъ. Указывая на блестящее прошедшее, она поддержитъ его духъ въ настоящемъ и укрѣпитъ его вѣру въ будущее.

На этихъ словахъ мы разстались.

X.

Святая Софія.—Византійскій гипподромъ и теперешній Атмейданъ.—Мечеть Баязида.—Кровавая расправа съ болгарами.

Мнѣ интересно было видѣть въ Константинополѣ Софійскую мечеть, гипподромъ, стамбульскій базаръ и посѣтить еще патріаршую церковь въ Фанарѣ. Мои обыкновенные путеводители были готовы и я началъ по порядку обозрѣніе.

Говорятъ, что императоръ Константинъ Великій началъ постройку храма Софіи еще будучи язычникомъ, когда онъ былъ послѣдователемъ философскаго ученія александрійской школы. Колеблясь, какому божеству посвятить созидаемый храмъ, онъ посвятилъ его имени премудрости Божіей (τῦ ἁγία σοφια), и это примиряющее имя осталось за нимъ навсегда. Въ 548 году св. Софія, сдѣлавшаяся жертвою пожара, была отстроена заново. Императоръ Юстиніанъ I-й поручилъ извѣстнымъ тогда зодчимъ Антемію изъ Траллеса, Изидору Милетскому и Игнатію создать такое зданіе, которое не имѣло бы себѣ подобнаго. Надо думать, что строители сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло. Они значнтельно увеличили размѣры прежняго храма и для украшенія его воспользовались наиболѣе сохранившимися остатками древняго языческаго зодчества. Но особенное вниманіе было обращено ими на внутреннюю отдѣлку св. Софіи. Нижнія части стѣнъ они обложили цвѣтными мраморами, а выше этой обкладки, стѣны, арки, своды и самый куполъ украсили по золотому полю цвѣтными мозаическими изображеніями событій изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Кромѣ того въ храмѣ были поставлены нѣсколько рядовъ колоннъ изъ драгоцѣннѣйшихъ мраморовъ, вывезенныхъ изъ Эфеса, Бальбека, Рима, Аѳинъ, Делоса и Египта. Но особенно замѣчательною, по свидѣтельству историковъ, была утварь св. Софіи. Тамъ было множество драгоцѣнныхъ вазъ изъ оникса и яшмы, оправленныхъ въ золото; шесть тысячъ массивныхъ канделябровъ и крестовъ, вылитыхъ изъ серебра и золота, стояли передъ иконами; 24 Евангелія въ золотыхъ окладахъ съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, украшали собою престолы; изъ нихъ главный престолъ (ἁγία τράπεζα) большаго алтаря, вылитый изъ особой смѣси золота, серебра, желѣза и драгоцѣнныхъ каменьевъ, составлялъ величайшую драгоцѣнность и былъ предметомъ постояннаго удивленія. Жертвенникъ стоялъ подъ куполомъ изъ чистаго золота, который поддерживали четыре серебряныхъ массивныхъ колонны! Немень-

шимъ великолѣпіемъ сіяли сѣдалища патріарха, митрополитовъ и тронъ императора. Все наполняло храмъ необыкновеннымъ блескомъ и величіемъ, и все въ немъ говорило о могуществѣ и торжествѣ. Византійскій историкъ Францесъ называетъ св. Софію:

— «Достойнѣйшимъ святилищемъ божественной мудрости, престоломъ ея славы и земнымъ чудомъ, воздвигнутымъ въ честь Господа».

Храму св. Софіи суждено было быть свидѣтелемъ, а нерѣдко и ареною многихъ событій, имѣвшихъ роковое значеніе для византійской имперіи. Политическія и религіозныя распри и порождаемыя ими народныя волненія происходили вблизи и часто внутри его. Св. Софія видѣла въ своихъ стѣнахъ латинскихъ императоровъ, слышала проклятія, произнесенныя римскому первосвященнику, и внимала, когда кардиналъ Изидоръ, бывшій митрополитъ московскій, поминалъ его, какъ главу вселенской церкви; она видѣла также послѣдняго византійскаго императора Константина-Палеолога-Драгозесса, приносившаго всенародное покаяніе, и перваго турецкаго султана Магомета II-го, призывавшаго въ ней имя своего пророка! Все она вмѣстила въ себѣ и все пережила: и народныя страсти, и судьбы завоеваній, и раззореніе мусульманское. И нѣтъ сомнѣнія, что волею Провидѣнія ей придется еще слышать благодарственное пѣніе православнаго клира, которое торжественно и широко раздастся подъ ея обширными сводами. Тогда-то, согласно съ стародавнимъ преданіемъ, долженъ явиться таинственный іерей съ св. Дарами въ рукахъ, прервавшій литургію при вторженіи мусульманской рати въ храмъ и чудесно скрывшійся въ раступившихся передъ нимъ стѣнахъ.... Въ этомъ убѣждены какъ христіане, такъ равно и мусульмане.

«Сохраните всѣ мозаичныя изображенія въ цѣлости,—говорилъ султанъ Абдулъ Меджидъ,—реставратору Софіи Фоссати; одинъ Богъ знаетъ кому еще суждено молиться тамъ»...

Первое, что представляется входящему на небольшую площадь, на которой помѣщается Софійская мечеть, это ея плоскій, прежде вызолоченный куполъ; величественно покоится онъ на единственной башнѣ зданія, сложенной изъ бѣлаго и розоваго камня, расположеннаго горизонтальными полосами. По сторонамъ купола высоко подымаются четыре минарета; но эти минареты черезъ-чуръ массивны и грубы, и ничѣмъ не напоминаютъ обыкновенной легкости построекъ такого рода. По мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь впередъ, среднія части зданія начинаютъ выступать все болѣе и болѣе. Передъ вами выростаетъ цѣлая гора камня, съуживающаяся кверху какими-то странными неправильными уступами; кругомъ нея идутъ безобразные контрфорсы и столбы, между которыми лѣпятся жалкія пристройки. Нигдѣ ника-

кихъ признаковъ архитектурнаго стиля. Я два раза обошелъ вокругъ, въ надеждѣ распознать фасадъ, найти какой-нибудь портикъ, или же напасть хотя на слѣдъ тѣхъ пропилеевъ, передъ которыми Магометъ II, пораженный величіемъ, невольно сошелъ съ коня, и—все напрасно! Гдѣ мѣста, на которыхъ стояли колонны, составлявшія гордость языческихъ храмовъ? Гдѣ стояли крылатые кони, которыми гордится Венеція? Увы! разрушающая рука времени и еще болѣе разрушающая рука страстей человѣческихъ не оставили никакихъ слѣдовъ того, что составляло внѣшную красоту зданія. Изъ древнихъ входовъ въ храмъ открыты только западный и южный. Со стороны алтаря видна небольшая дверь между 6-ю порфировыми колоннами, но она болѣе чѣмъ на половину находится въ землѣ, подъ уровнемъ смежной улицы. Сѣверный входъ заваленъ мусоромъ и заставленъ мусульманскими гробницами. На западной сторонѣ, гдѣ долженъ находиться главный входъ, пять бронзовыхъ двустворчатыхъ дверей, расположенныхъ въ одинъ рядъ, и двѣ двери боковыхъ ведутъ въ обширный притворъ, имѣющій форму длиннаго паралелограмма. Между этими дверями двое заслуживаютъ особеннаго вниманія: средняя, на которой, на обѣихъ ея половинахъ, еще видны выпуклыя изображенія креста, и боковая, съ южной стороны притвора, съ каймою изъ виноградныхъ листьевъ. Судя по изяществу рисунка и отчетливости исполненія, эту дверь, кажется, можно безошибочно отнести къ эпохѣ древне-греческаго искусства. Наконецъ, изъ притвора пропускаютъ въ мечеть девять входовъ, изъ которыхъ открытъ одинъ средній. Надъ нимъ просвѣчиваетъ сквозь бѣлую краску изображеніе какой-то святой. Особенно явственно замѣтенъ ея золотой нимбъ.

Еще недавно посѣщеніе Софійской мечети сопровождалось многими затрудненіями. Надо было имѣть особый фирманъ и кромѣ того уплатить духовенству довольно значительную сумму денегъ. Но, благодаря войнѣ, которая привела тысячи бѣглецовъ въ константинопольскія мечети и въ томъ числѣ и въ Софію, доступъ въ нее почти свободенъ. Тѣмъ не менѣе я просилъ моихъ провожатыхъ поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ и получить надлежащее дозволеніе. Не прошло и пяти минутъ какъ дѣло было улажено: надо было заплатить 4 фр. Явилась какая-то высокая фигура въ халатѣ и въ зеленой чалмѣ, что-то въ родѣ муллы, и приложивъ одну руку ко лбу, другою отбросила коверъ, которымъ былъ завѣшенъ входъ. Мы очутились внутри Софіи.

Впечатлѣніе, производимое этимъ вполнѣ достойнымъ памятникомъ христіанскаго зодчества, поразительно. Чувство, овладѣвающее при созерцаніи его простора, соотвѣтствія частей, повсюду озаряемыхъ

свѣтомъ, я могу только сравнить съ ощущеніемъ, испытываемымъ въ весенній день, подъ открытымъ небомъ, на которомъ ни одно облачко не мѣшаетъ отчетливо видѣть всю доступную зрѣнію мѣстность!... Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе громадный куполъ, опоясанный 44 полукруглыми окнами, съ полукуполами по обѣ его стороны; затѣмъ идетъ еще рядъ полукуполовъ, поддерживаемыхъ колоннами. Это наращеніе куполовъ, все болѣе раздвигающееся къ основанію храма, производитъ необыкновенно величественный эффектъ: всѣ куполы какъ будто сливаются въ одинъ главный. Точно сводъ небесный, онъ простирается надъ цѣлымъ зданіемъ, и съ него, также какъ съ свода небеснаго, идутъ лучи свѣта. Не останавливаемые никакими препятствіями, они равномѣрно освѣщаютъ весь храмъ, мраморы его стѣнъ, мозаику помоста и ряды колоннъ краснаго, желтаго, розоваго, зеленаго и голубаго мраморовъ.... Храмъ представляется сразу, какъ онъ есть, и ничего въ немъ нѣтъ скрытаго, таинственнаго. Это мѣсто молитвы свѣтлой, уносящее человѣческіе помыслы въ міръ свѣтлыхъ видѣній и обѣщающее свѣтлыя радости въ сѣняхъ небесныхъ... Мечеть небогата украшеніями. Самое драгоцѣнное въ ней — остатки ея прежняго величія, ея чудныя колонны. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить и двѣ колоссальныя мраморныя вазы, которыя были найдены въ развалинахъ Пергама и подарены султаномъ Мурадомъ III; изъ нихъ правовѣрные черпаютъ воду для религіозныхъ омовеній. Древнія мозаики закрыты особою штукатуркою, за исключеніемъ однихъ крыльевъ серафимовъ, расположенныхъ вѣнцемъ въ куполѣ. Стѣны, выше мраморной отдѣлки, во многихъ мѣстахъ позолочены. Къ предметамъ магометанскаго культа принадлежатъ: красная мраморная плита Миграбъ, на юго-востокъ отъ входа, которой обозначено направленіе, гдѣ находится священный городъ Мекка. Согласно съ этимъ направленіемъ располагаются молящіеся. Вторая мусульманская святыня — висящій возлѣ Миграба кусокъ стараго ковра, на которомъ пророкъ молился. Тутъ же стоитъ рѣзное возвышеніе, откуда духовныя лица произносятъ молитвы. Съ правой стороны отъ входа находится небольшое углубленіе, закрытое вызолоченной рѣшеткой: это мѣсто султана. Наконецъ, слѣдуетъ еще указать на огромные, повѣшенные по стѣнамъ, зеленые щиты съ начертанными на нихъ золотою вязью стихами изъ Корана, а также и на множество висящихъ съ купола на шнуркахъ лампадокъ, курильницъ изъ золота и серебра, хрустальныхъ шаровъ и даже страусовыхъ яицъ. Все это приношенія усердствующихъ мусульманъ.

Позади колоннъ, на мѣстахъ бывшихъ церковныхъ придѣловъ, находятся библіотека мечети, казна и разные склады; поодаль отъ

нихъ идутъ крытыя галлереи, гдѣ помѣщались византійскія женщины, во время служенія. Осмотрѣть все подробно, какъ бы слѣдовало и какъ бы хотѣлось, было довольно трудно. И времени было мало, да къ тому же мечеть Софіи, также точно какъ и другія большія мечети Константинополя, была наполнена бѣглецами изъ занятыхъ нашими войсками мѣстъ. Здѣсь, точно въ таборѣ, расположены мужчины, женщины и дѣти со всѣмъ ихъ имуществомъ, и здѣсь же на мозаичномъ полу, едва прикрытомъ рогожками, они приготовляютъ въ жаровняхъ пищу и отправляютъ всякія другія потребности. Воздухъ былъ до крайности спертый. Между этимъ случайнымъ населеніемъ мечети было уже нѣсколько смертныхъ случаевъ отъ тифа.

Выходя изъ мечети, мы почти столкнулись съ довольно пожилымъ турецкимъ офицеромъ, который, весьма любезно раскланявшись, остановилъ одного изъ моихъ провожатыхъ. По его взглядамъ въ нашу сторону можно было угадать, что онъ разспрашивалъ о насъ. Въ свою очередь и мы обратились къ возвратившемуся нашему спутнику съ вопросомъ: кто этотъ офицеръ. «Это мирилай (полковникъ) Гамди-эфенди, начальствовавшій во время моего служенія на желѣзной дорогѣ». Но что же вашъ знакомый много перевелъ болгаръ, вмѣшался Ѳедор. Ник.? «Нѣтъ, это добрый человѣкъ; съ этимъ болгаре могли жить... Другіе были настоящіе звѣри»...

Мы приближались къ Атмейдану, прежнему византійскому гипподрому.... Чудное это было мѣсто при императорахъ, по красотѣ тѣхъ зданій, которыя его окружали, и по тѣмъ памятникамъ древняго искусства, коими его украсило могущество византійскихъ владыкъ. Средину гипподрома занималъ египетскій обелискъ, утвержденный на высокомъ мраморномъ постаментѣ; по бокамъ его, на наибольшей оси площади, стояли на одной сторонѣ змѣевидныя колонны съ расходящимися главами трехъ змѣй, поддерживавшихъ вылитый изъ золота знаменитый пиѳійскій треножникъ, а на другой—обложенный бронзою обелискъ Константина-Порфирогенета. Въ концѣ площади возвышался амфитеатръ съ двумя одинъ надъ другимъ рядами колонъ; на ступеняхъ его помѣщались зрители, а средина, надъ которой простирался пурпурный пологъ (velarium), увлажаемый струями воды, предназначена была для двора. Отсюда взору кесарей представлялись направо храмъ св. Софіи и налѣво Августеонъ,—императорскій съ вызолоченною кровлею дворецъ. Между ними помѣщались роскошные термы Ксейзиппа и Гонорія, портики, колоссальная конная статуя Юстиніана, статуи боговъ и героевъ, Юнона, Парисъ, Юпитеръ, Геркулесъ,—чудныя творенія Лизиппа, прекрасная съ своею вѣчною улыбкою Елена, Волчица, питающая близнецовъ Реи,

и извѣстные крылатые кони. Рѣдкія деревья, привезенныя съ большимъ стараніемъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Европы и Азіи, высоко подымали свои тѣнистыя главы, и еще выше ихъ дрожали въ воздухѣ струи фонтановъ, распространявшихъ освѣжительную прохладу. Прямо противъ императорскаго мѣста, на морскомъ берегу, гдѣ теперь мысъ Сераля, возвышался Акрополисъ, на одномъ углѣ котораго виднѣлась башня замка св. Димитрія, а на другомъ стоялъ амфитеатръ Кинегіонъ. Еще ближе къ морю спускался терассами Влахернскій дворецъ, столь любимый послѣдними императорами. Съ той же площади, позади Августеона, былъ виденъ звѣздный куполъ монастыря Пантократора, откуда, во время осады Византіи турками, патріархъ Геннадій металъ громы въ завладѣвшаго св. Софіею кардинала Исидора, предавая проклятію генотиконъ,—декретъ о соединеніи церквей.... Гордо обозрѣвъ эти чудеса, представлявшія исторію развитія древняго міра, одѣтый въ золото и пурпуръ кесарь подходилъ къ терассѣ, внималъ громогласному привѣтствію народа и подавалъ знакъ къ началу бѣга колесницъ... И зеленые, и голубые стремились на своихъ квадригахъ, опережая другъ друга по гладкой аренѣ, узорно усыпанной лазоревымъ и краснымъ пескомъ....

Теперь отъ этого античнаго величія остались на гипподромѣ обелискъ изъ розоваго гранита, довольно хорошо сохранившійся, средняя часть бронзовой змѣевидной колонны, стоявшей когда-то въ Дельфійскомъ храмѣ, въ воспоминаніе побѣды при Платеѣ, и жалкіе остатки пирамиды Константина-Порфирогенета, представляющіе только одну кирпичную кладку...

Здѣсь же на гипподромѣ разыгралась драма, обозначившая переходъ Турціи отъ древнихъ преданій Османа къ новымъ реформамъ, созданнымъ европейскою цивилизаціею. Въ 1826 г. 16 іюня произошло поголовное избіеніе янычаръ, въ теченіи пяти вѣковъ содѣйствовавшихъ славѣ турецкаго оружія, а потомъ признанныхъ опасными для нововведеній молодаго султана Махмуда,—«поддерживавшихъ, по выраженію турецкаго историка Эсаада-эфенди, постоянный огонь подъ котломъ неповиновенія и не перестававшихъ подтачивать ошейникъ покорности». Въ теченіи двухъ сутокъ продолжалась безпощадная бойня: кровь буквально лилась рѣкою. И то, что случайно уцѣлѣло отъ пожара, огнестрѣльнаго оружія и меча, докончено было петлею висѣлицы. Въ сторонѣ отъ гипподрома, по пути въ серальскій дворецъ, стоитъ платанъ, по всей вѣроятности, современный эпохѣ Константина Великаго; на немъ янычары висѣли цѣлыми сотнями! Теперь внутри этого колосса растительности помѣщается кофейня, въ которой правовѣрные вкушаютъ ароматическій напитокъ, ничуть не подозрѣвая какіе ужасы

творились на этомъ мѣстѣ. Спокойно они смотрятъ на эти ужасныя вѣтви, растилающіяся надъ ними широкимъ шатромъ яркой густой листвы, также спокойно обновляемой вѣчно юной и вѣчно беззаботной природой!...

Осмотрѣть серальскій дворецъ не было никакой возможности. Оффиціальныя сношенія съ турецкимъ правительствомъ у насъ еще не были начаты и потому было бы совершенно лишнимъ хлопотать о полученіи дозволенія на посѣщеніе этой древней колыбели турецкихъ владыкъ. По дорогѣ намъ указали на знаменитыя ворота, изъ бѣлаго мрамора, состоящія изъ арки въ мавританскомъ стилѣ, поддерживаемой четырьмя колоннами. Въ верху, на серединѣ арки, видна впадина, въ которую ставились головы враговъ султана. Черезъ эти ворота по пятницамъ совершалось обычное шествіе въ софійскую мечеть. Неподвижно, точно статуя, ѣхалъ на конѣ, весь сіяющій драгоцѣнными каменьями, падишахъ между двухъ рядовъ повергшихся на землю подданныхъ, и при взглядѣ, брошенномъ вверхъ, лицо его на мгновеніе освѣщалось выраженіемъ полноты торжества.

Желая сократить нашъ обратный путь, мы прошли черезъ обширный дворъ Баязида или иначе мечети голубей, носящей такое названіе по причинѣ нѣсколькихъ тысячъ этихъ пернатыхъ, избравшихъ его для постояннаго своего жилья. Преданіе говоритъ, что султанъ Баязидъ купилъ пару голубей у одного бѣдняка, стоявшаго при входѣ, и подарилъ ихъ мечети. Съ того времени явилось у нихъ многочисленное потомство. Толстый турокъ стоитъ подъ навѣсомъ портика: возлѣ него два мѣшка съ зерномъ; за двѣ пары дозволяется бросить горсть овса или проса на каменный помостъ, и тысячи голубей, самыхъ разнообразныхъ мастей, мгновенно слетаются на эту приманку, звонко оглашая воздухъ ударами своихъ крыльевъ...

Какое громадное пространство существуетъ на лѣстницѣ человѣческихъ ощущеній между наслажденіемъ, доставляемымъ созерцаніемъ окровавленной человѣческой головы, и тѣмъ спокойнымъ настроеніемъ души, съ которымъ приносится въ даръ мѣсту молитвы пара голубей,— этотъ символъ незлобія и кротости! И не смотря на это, столь противоположныя ощущенія, повидимому, не имѣющія ничего общаго между собою, живутъ дружно не только въ одномъ и томъ же народѣ, но въ одномъ и томъ же человѣкѣ... Кровавыя расправы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи, произведенныя турками, народомъ, по своей природѣ не лишеннымъ доброты, могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ этого.

Отзывы русскихъ, имѣвшихъ дѣла въ Турціи, даже отзывы нашихъ офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, приписываютъ туркамъ много хоро-

шаго: гостепріимство, безкорыстіе, великодушіе, честность. Самый честный продавецъ — турокъ. Все, что продастъ турокъ, и лучше, и дешевле, чѣмъ у другихъ. На слово, данное туркомъ, можно вполнѣ положиться, хотя оно и не засвидѣтельствовано никакими юридическими актами. Должно еще сказать, что всѣ безпорядки, грабежи и убійства совершаются въ Константинополѣ греками, итальянцами, черкесами, но рѣдко турками...

Солнце стало спускаться къ закату и мы прибавили шаги, чтобы быть дома засвѣтло. Къ тому же наступило и время обѣда. Возобновивъ нѣсколько наши силы издѣліями кухни Византійскаго отеля, мимоходомъ сказать, очень недурно приготовленными, мои спутники поднялись со мною въ мой номеръ. Тамъ уже ярко горѣлъ огонь въ каминѣ, и мы расположились вокругъ него, покойно уложивъ наши утомленные члены на прекрасной мягкой мебели, и такъ и замерли въ облакахъ душистаго латакійскаго табаку. Выждавъ нѣсколько времени, пока мои сосѣди не насладились достаточно кейфомъ, я обратился къ г. Манейѣ съ вопросомъ:

— Не можете ли вы разсказать намъ, справедливы-ли всѣ слухи о тѣхъ казняхъ, которыми подвергали турки болгаръ?

— Разскажите, что вы сами видѣли, — добавилъ обстоятельный Ѳедоръ Николаевичъ.

Вотъ что мы услышали:

— «Случилось это въ Имитли. Увидѣлъ я, что съ поѣздомъ привезли нѣсколько болгаръ съ связанными назадъ руками. Ихъ сейчасъ же узнали: это были Мустакіевы—отецъ и его четверо сыновей; всѣ люди здоровые, зажиточные и пользовавшіеся вліяніемъ. Они доставляли шерсть въ Адріанополь; тамъ ихъ взяли по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ русскими, отняли у нихъ нѣсколько сотъ червонцевъ и присудили къ повѣшенію въ родномъ городѣ. У турокъ смертная казнь совершается скоро, безъ особыхъ приготовленій. Поэтому и съ этими несчастными не медлили. Едва отвели ихъ отъ вокзала шаговъ на пятьдесятъ, какъ тотчасъ же накинули веревку на младшаго сына. Молодой человѣкъ что-то сказалъ окружавшимъ его заптіямъ и повалился въ ноги къ отцу, затѣмъ поцѣловался съ нимъ трижды. Также точно онъ простился съ братьями, самъ подошелъ къ ближайшему дереву, и тотчасъ же былъ вздернутъ на выдававшуюся вѣтвь... Отецъ и остальные его сыновья молча смотрѣли какъ умиралъ этотъ юноша, и когда тѣло повисло совершенно неподвижно, всѣ они поклонились въ землю мученику. И никто изъ нихъ не проронилъ ни одного слова, ни одного вздоха... Отошли еще шаговъ двадцать и повѣсили предпослѣдняго сына, и также точно этотъ сынъ прощался съ отцомъ и

братьями, и также точно отецъ и братья поклонились его мученической кончинѣ. Потомъ былъ повѣшенъ второй и старшій сыновья. Когда настала очередь старика, то онъ просилъ только объ одномъ, чтобы ему позволили выбрать для себя дубъ, стоявшій на ближайшемъ холмѣ; умирая, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ увидѣть всѣхъ своихъ сыновей - мучениковъ. Предсмертное желаніе героя - отца было уважено»...

— Что же въ это время дѣлали ихъ соотечественники? Вѣдь они знали этихъ страдальцевъ, вели съ ними дѣла, быть можетъ, даже любили ихъ? Неужели ни въ комъ изъ нихъ не высказалось желаніе освободить эти жертвы произвола? Тѣмъ болѣе, что изъ вашего разсказа видно, что возлѣ нихъ были одни только заптіи, т. е. полицейскіе служители?—спросили мы почти въ одинъ голосъ.

— «Дѣйствительно, были одни только заптіи, но они были морально поддерживаемы цѣлымъ магометанскимъ населеніемъ мѣстности. Сдѣлай болгаре малѣйшее движеніе, и они были бы всѣ до одного мгновенно уничтожены. Всѣмъ еще была памятна рѣзня въ Батакѣ и въ Эски-Загрѣ... Притомъ болгаре были доведены до такой степени нравственнаго безсилія, что прикажи имъ турки вѣшать другъ друга, едва-ли бы кто изъ нихъ рѣшился ослушаться. Не могу я вспомнить равнодушно еще одного эпизода этого несчастнаго времени. Получаю я депешу отъ адріанопольскаго вали, въ которой мнѣ приказано пригласить къ нему нашего болгарскаго священника и прибыть вмѣстѣ съ нимъ на ближайшемъ поѣздѣ. Какъ ни ломалъ голову почтенный о. Христо, но все таки не могъ придумать зачѣмъ его требуютъ, и на всякій случай взялъ съ собою десятка три червонцевъ. Я ободрялъ его, сколько могъ, и, зная турецкіе обычаи, находилъ хорошею придуманную священникомъ мѣру предосторожности. Прибыли мы поздно; но насъ ждали, что я заключаю изъ того, что едва я объявилъ на станціи о причинѣ моего пріѣзда, какъ явилось нѣсколько солдатъ и отвели меня и священника въ конакъ вали, гдѣ заперли насъ вдвоемъ и поставили у дверей стражу. Я не чувствовалъ за собой ни малѣйшей вины и, какъ служащій, не могъ питать никакой тревоги за себя; не смотря на это, ночь я провелъ очень дурно. Думаю, что и о. Христо чувствовалъ себя не лучше моего. Онъ также не спалъ. Но слишкомъ долго не пришлось намъ ожидать. Едва только занялась заря и сквозь рѣшетки нашихъ оконъ повѣяло утреннимъ холодомъ, какъ раздались шаги и мы увидѣли нѣсколько человѣкъ съ фонаремъ. Насъ требовалъ къ себѣ вали. Пошли мы сначала темнымъ подземельемъ, которое едва освѣщалъ тусклый свѣтъ фонаря, бывшаго у одного изъ нашихъ провожатыхъ; потомъ поднялись по ступенямъ...

Передъ нами открылась дверь и мы неожиданно очутились въ обширной ярко-освѣщенной комнатѣ передъ его превосходительствомъ Сабри-пашею. О. Христо только увидѣлъ его, тутъ же повалился ему въ ноги и, положивъ передъ нимъ свертокъ съ золотомъ, сталъ просить принять это приношеніе отъ него на нужды доблестнаго султанскаго войска. Такое начало, видимо, было пріятно пашѣ Онъ положилъ червонцы къ себѣ въ карманъ и, приказавъ священнику встать, сказалъ ему:

— Видно, что ты добрый калугеръ. Но ты еще долженъ доказать, что ты желаешь добра нашему падишаху, и потому ты скажи мнѣ кто у васъ можетъ быть полезнымъ намъ въ нашихъ теперешнихъ большихъ нуждахъ? Кто скотомъ своимъ, кто лошадьми, кто деньгами, подобно тебѣ, а кто и оружіемъ? Только ты говори правду, ибо всякая сказанная тобою неправда обрушится на твою же голову; да вотъ и онъ здѣсь, онъ сейчасъ же скажетъ кого ты скрылъ.

«Тутъ только я понялъ, пояснилъ нашъ собесѣдникъ, зачѣмъ паша требовалъ, чтобы я пріѣхалъ съ священникомъ. Задумался отецъ Христо, но не надолго, и началъ онъ называть всѣхъ нашихъ именитыхъ и зажиточныхъ людей, которыхъ записывалъ тутъ же сидѣвшій писарь. Когда окончился этотъ перечень, паша обратился ко мнѣ и спросилъ всѣхъ ли онъ назвалъ? Я отвѣчалъ, что я недавно живу въ . . . . . ѣ, но думаю, что священникъ назвалъ всѣхъ, такъ какъ эти именно люди постоянно имѣли дѣло съ желѣзной дорогой, отправляли овецъ, зерно, кожи и т. п. Что-же мнѣ было дѣлать? Послѣ того, что говорилъ о. Христо, мнѣ оставалось только подтвердить его слова.

— Ну, хорошо, сказалъ паша. А вотъ теперь укажи намъ на тѣхъ,— снова онъ обратился къ священнику,—у кого изъ названныхъ тобою есть оружіе? Оно вамъ не нужно, такъ какъ вы мирныя дѣти султана; но вы можете отдать ваши кинжалы, ятаганы, ружья, какъ бы они стары ни были, правительству, которое употребитъ ихъ противъ враговъ своихъ.

«Поблѣднѣлъ я послѣ этихъ словъ, ибо зналъ, что каждое имя, сказанное священникомъ въ отвѣтъ пашѣ, будетъ равносильно смертному приговору... Я не могу сказать навѣрное, потерялся ли о. Христо, или же добродушно попался въ поставленную передъ нимъ западню, но онъ началъ перечислять поименно всѣхъ своихъ прихожанъ, у которыхъ видѣлъ оружіе: у Марка Стеви—кинжалъ, у Андрея Ганева—ружье, у Филипа Станкова—ножъ, у Марина Минчева—порохъ, и т. п.

«Эти имена, произносимыя священникомъ спокойно и не торопясь, тщательно записываемыя писаремъ паши, производили въ моей душѣ такое же невыносимое ощущеніе боли и страха, какое производили

бы капли растопленнаго металла, падающія на живое ни чѣмъ не защищенное тѣло. Участь указанныхъ о. Христо лицъ легко угадать: всѣ они погибли мученическою смертью.

«Но вотъ вещи еще болѣе ужасныя и болѣе возмущающія душу... Мнѣ передавали, что англійскіе офицеры, начальствовавшіе надъ отрядами башибузуковъ и зейбековъ, появленіе которыхъ постоянно сопровождалось самыми страшными истязаніями беззащитныхъ жителей, приказывали сгонять болгаръ въ обширные дворы и тамъ или вырѣзывали ихъ, или же сжигали въ кострахъ... Въ одномъ сараѣ найдено около тридцати обгорѣвшихъ дѣтскихъ труповъ! И это было дѣло рукъ людей, которые съ гордостью объявляютъ, что стоятъ во главѣ цивилизаціи и считаютъ себя христіанами»...

Не хочется этому вѣрить; но если въ разсказѣ заключается хоть доля правды, то вѣчный позоръ на нихъ, позоръ, который никогда не смоютъ никакіе успѣхи ихъ матеріальной цивилизаціи!!... Англичане были бы виновнѣе турокъ. Послѣдніе проявляли свою кровожадность въ борьбѣ за существованіе, истребляя сторонниковъ своего врага; турки притомъ дѣйствовали подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Но ничто подобное не могло бы оправдать холодныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ англичанами.

Разошлись мы около полуночи, условившись продолжать съ утра наше обозрѣніе Стамбула.

XI.

Константинопольскія вѣсти.—Рыбный рынокъ.—Истомбольскій базаръ и его обитатели.—Денежные знаки.

Только что я успѣлъ одѣться, какъ услышалъ голосъ Ѳедора Николаевича. По его стуку въ дверь, необычайно торопливому, по выраженію его лица и торжественности всей его осанки, я догадался, что онъ намѣренъ сообщить мнѣ что-то важное.

— Знаете-ли, началъ онъ, едва успѣвъ поздороваться,—что напрасно главная квартира заключила контрактъ о перевозкѣ войскъ изъ Буюкъ-Дере?

— А вы какъ знаете о такомъ контрактѣ? невольно вырвалось у меня.

— Мы все знаемъ. Да объ этомъ знаетъ каждый гамалъ (носильщикъ), также какъ и о томъ, что султанъ согласенъ на перевозку изъ этого мѣста.

— Ну, такъ что-же? Если согласенъ, такъ и хорошо.

— То-то и есть, что прежде былъ согласенъ, а теперь не соглашается.

— Какъ такъ?

— Просто не дозволяютъ,—англичане не приказываютъ.

— Ну, это пустяки: съ русскими шутить нельзя.

— А вы, видно, вѣрите тому, что пишутъ константинопольскія газеты, что Турція въ окрестностяхъ столицы приготовила войска, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими противъ англичанъ?

При этомъ Ѳедоръ Николаевичъ пояснилъ недосказанное своимъ тонкимъ смѣхомъ, показавъ два ряда бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ...

Послѣ я узналъ, что въ этотъ день въ главной квартирѣ еще ничего не было извѣстно о такомъ рѣшеніи турокъ. Признаюсь, я сильно усумнился во всевѣдѣніи Ѳедора Николаевича. Но, увы! Сдѣланное имъ сообщеніе вполнѣ подтвердилось. Отправленіе войскъ пріостановлено, и главная квартира (носился этотъ слухъ) должна уплатить Русск. Общ. Пароходства значительную неустойку. Почти одновременно съ этимъ пришло и другое непріятное извѣстіе: турецкое правительство не иначе соглашается на посѣщеніе султана Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, какъ только подъ строгимъ инкогнито и притомъ въ сопровожденіи одного или двухъ лицъ... Въ главной квартирѣ всѣ смущены. Еще недавно радовавшая всѣхъ

мысль о мирѣ невольно уступаетъ мѣсто чувству негодованія. Всѣ, отъ генерала до солдата, стали сознавать, что дѣло еще далеко неоконченное, и у всѣхъ явилась полная готовность довести его до желаннаго конца. Нерѣдко, послѣ какого нибудь засѣданія у Главнокомандующаго, вдругъ проносилась вѣсть о походѣ на Константинополь!... И надо было видѣть съ какимъ восторгомъ принималась эта вѣсть. И какая увѣренность въ успѣхѣ горѣла въ глазахъ у каждаго! А между тѣмъ ни для кого не было тайной, что въ Константинополѣ находятся 80 тысячъ прекраснаго войска, которое обучается по цѣлымъ днямъ.

Явился г. Манейя. Погода продолжала благопріятствовать; мы рѣшили отправиться осматривать знаменитый по описаніямъ базаръ.

— «Не хотите-ли осмотрѣть рыбный рынокъ? обратился ко мнѣ Ѳедоръ Николаевичъ, онъ у насъ на пути. Въ это время рыбаки приносятъ свой уловъ: это интересно».

Своротивъ въ боковую улицу, мы прошли шаговъ пятьдесятъ и какъ разъ очутились между рядами лавочекъ, въ буквальномъ смыслѣ наполненныхъ самыми разнообразными произведеніями водяного царства. На досчатыхъ столахъ, среди морскихъ травъ лежали громадныя камбалы, по временамъ тяжело двигавшія своими жабрами; возлѣ нихъ ползали крабы, точно покрытые мѣдною бронею. Чудовищной величины омары то и дѣло подымали свои страшные клещи. Немного далѣе вертѣлись исполинскіе угри; потомъ какія-то небольшія рыбы, красныя, какъ пурпуръ, и другія блестящія всѣми цвѣтами радуги подпрыгивали ежеминутно; говорятъ, что прикосновеніе ихъ жалитъ, какъ крапива; большія, жирныя устрицы, креветы; морской паукъ съ перламутровымъ отливомъ, точно мѣшокъ, у котораго распущены его завязки: это длинныя усѣянныя присосками ноги, между которыми виднѣется птичій клювъ чудовища... Огромныя кефали, оранжево-золотистыя султанки, покрытыя серебромъ лауракі, морской пѣтухъ съ огромными плавниками, замѣняющими ему крылья во время его небольшихъ перелетовъ,—все это составляетъ гордость самаго изысканнаго стола... Лакрида, паламида, пудовой тонъ, которыми питается простой народъ, мидіи и другія безъимянныя раковины, извѣстныя подъ общимъ названіемъ плодовъ моря, изумляютъ разнообразіемъ формъ и цвѣтовъ и въ то-же время служатъ доказательствомъ необыкновеннаго богатства и силы производительности Мраморнаго моря... Позавтракавъ тутъ же устрицами, приправленными ароматнымъ, точно сію минуту снятымъ съ дерева, лимономъ, мы продолжали свой путь, сначала черезъ тоннель по желѣзной дорогѣ, а потомъ пѣшкомъ черезъ мостъ. Въ Истамболѣ мы остано-

вились, чтобы посмотрѣть на турецкую артиллерію, которая, судя по ея внѣшности, должна была придти издалека и притомъ вынести не мало разныхъ невзгодъ. Все въ грязи: люди, лошади!... Прекрасныя стальныя орудія покрыты густой ржавчиной. У всѣхъ на лицахъ какое-то тупое ожесточеніе, и нигдѣ ни одной улыбки, ни малѣйшаго свѣтлаго взгляда, которые такъ естественны въ минуту возвращенія на родину... Войска проходили сквозь довольно густую толпу, хранившую самое упорное молчаніе!...

Наконецъ, мы у цѣли нашей прогулки. Истамбольскій базаръ—это огромная часть города съ улицами и переулками, покрытая прочными высокими сводами, прорѣзанными окнами. Улицы базара, смотря по мѣстности, то подымаются, то спускаются внизъ. Всѣ онѣ вымощены мелкимъ булыжникомъ. На перекресткахъ устроены водоемы. По одну и другую сторону улицъ идутъ прилавки, позади которыхъ находятся небольшія помѣщенія для склада товаровъ. Обыкновенно торговля происходитъ на прилавкахъ, за которыми помѣщается торговецъ и на которыхъ показывается товаръ; но избранные покупатели приглашаются въ заднее помѣщеніе. Базаръ представляетъ два предмета, имѣющіе интересъ для наблюдателя: это находящіеся въ немъ товары и ихъ хозяева-торговцы. Едва-ли что носитъ на себѣ въ такой степени самобытный характеръ, какъ произведенія востока. Ихъ назначеніе, тѣсно связанное съ особыми условіями жизни, и ихъ внѣшность, совершенно своеобразныя, представляющія отдѣльный типъ красоты, заслуживаютъ полнаго вниманія. Издѣлія изъ шерсти: турецкія, персидскія и индійскія шали, персидскіе и брусскіе ковры, выдѣлываемые туарегами въ пустыняхъ Африки бурнусы, въ которые закутывается чуть-ли не вмѣстѣ съ лошадью свободный сынъ Сахары, все это чрезвычайно доброкачественно, красиво какъ ткань, какъ подборъ цвѣтовъ и какъ рисунокъ. Русскіе покупали, въ особенности, ковры различныхъ размѣровъ, ковровыя ткани и бурнусы, для обивки мебели, портьеръ и разныхъ настилокъ въ комнатахъ. Засимъ идутъ ручныя работы по сукну, шитые цвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ, арабески, смѣшанные съ турецкими и арабскими письменами, составляющіе верхъ вкуса и изящества: это издѣлія Истамбола, Багдада и Шираса,—издѣлія гаремовъ, гдѣ женщина, отчужденная отъ остального міра, всю пылкость своей фантазіи выражаетъ въ этомъ изумительномъ богатствѣ и разнообразіи рисунка. Хороши также брусскіе ситцы, полотна, полотенца и шелковыя ткани, въ которыхъ яркость цвѣтовъ соперничаетъ съ блескомъ золота. Въ этомъ ряду встрѣчаются цѣлыя толпы турецкихъ женщинъ, точно также какъ и въ другихъ странахъ испытывающихъ терпѣніе продавцевъ... Налюбовавшись мануфактурными произведеніями, мы

прошли въ отдѣленіе, гдѣ находятся остатки старины глубокой разныя части вооруженія, домашняя утварь, предметы женскаго убора, монеты и проч. Это настоящій музей! Стальные шлемы различной формы, щиты, наручники и наколѣнники, съ серебряной и золотой насѣчкой, иные украшены драгоцѣнными каменьями, чудные дамасскіе и хорасанскіе клинки, между которыми я видѣлъ одинъ съ изображеніемъ Божіей Матери и съ арабскою золотою надписью, по всей вѣроятности, современный крестовымъ походамъ!... Серебряныя съ золотой инкрустаціей вазы и блюда, издѣлія изъ горнаго хрусталя и агата, шитыя шелками и золотомъ женскія покрывала, все это представлялось краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ избытка богатствъ прежняго времени и вмѣстѣ служило доказательствомъ убожества средствъ настоящаго!... По сосѣдству съ этимъ отдѣленіемъ находится знаменитый Безистанъ — мѣсто продажи драгоцѣнныхъ каменьевъ. Тутъ на небольшомъ пространствѣ собраны сокровища Голконды. Изумруды, опалы, рубины, сафиры, брилліанты и бирюза блестятъ, сіяютъ и мечутъ искры огней всевозможныхъ цвѣтовъ... Сафиры, рубины и изумруды отполированы преимущественно въ восточномъ вкусѣ, гладко, безъ малѣйшей грани, что при высотѣ камня, хорошемъ его цвѣтѣ и живости огня имѣетъ также свою прелесть. Но издѣлія изъ золота: серьги, ожерелья, вѣнскаго и парижскаго фабричнаго производства, уже чисто европейскихъ фасоновъ. Эти вещи, говорятъ, имѣютъ большой сбытъ въ гаремахъ, обитательницы которыхъ весьма охотно усвоиваютъ себѣ костюмы парижскихъ модныхъ журналовъ. Остается еще сказать нѣсколько словъ о Египетскомъ базарѣ, наполненномъ различными пряностями и душистыми веществами. Тамъ складъ всевозможныхъ восточныхъ духовъ, маслъ, эссенцій, предохранительныхъ талисмановъ и всякихъ секретныхъ средствъ; тамъ же продаются сандальное и розовое дерево, амбра, слоновая кость, опіумъ и гашишь. Атмосфера этого ряда насыщена очень ѣдкими ароматами, распространяющимися вездѣ по сосѣднимъ улицамъ.

Торговцы Истамбольскаго базара, въ свою очередь, могутъ быть предметомъ любознательнаго наблюденія. Они представляютъ самые чистые типы почти всѣхъ мусульманскихъ народностей, входящихъ въ составъ турецкой имперіи. Вы найдете тамъ жителей Египта, до сего времени сохранившихъ свое библейское названіе Миссири-Мисраимъ, вмѣстѣ съ характеристическими признаками своей расы: мало развитой верхнею частью туловища, свѣтло-кирпичнымъ цвѣтомъ лица, прямымъ книзу загнутымъ носомъ, продолговатыми глазами и какимъ-то грустнымъ выраженіемъ улыбки; имъ не достаетъ только священной повязки вокругъ чела, чтобы признать въ нихъ прямыхъ потом-

ковъ которой нибудь изъ тридцати династій царства фараоновъ. Житель Дамаска, также точно какъ и обитатель Аравіи, эти настоящіе семиты, отличаются высокимъ ростомъ и сильнымъ развитіемъ мускуловъ; у нихъ худощавая съ очень тонкими чертами и высокимъ лбомъ физіономія; выраженіе глазъ исполнено ума, страсти и энтузіазма. Старики въ своихъ высокихъ чалмахъ съ длинными бородами напоминаютъ своихъ праотцевъ—библейскихъ патріарховъ. Тунисскіе и мароканскіе купцы окладомъ физіономіи напоминаютъ иберійскую расу: то-же большое разстояніе между глазъ, дѣлающее овалъ лица болѣе круглымъ, и тѣ-же открытые миндалевидные черные глаза. Вся ихъ фигура представляетъ типъ изящества и величавой элегантности мавританскихъ калифовъ. У мароканцевъ губы оказываются болѣе полными и нижняя челюсть болѣе развитою, что при ихъ темномъ цвѣтѣ кожи уже обнаруживаетъ вліяніе черной расы. Но это вліяніе еще замѣтнѣе на купцахъ, прибывшихъ изъ оазисовъ Сахары. Почти черный цвѣтъ лица, выдавшіяся челюсти, рѣдкій волосъ на бородѣ, дикость и необыкновенная подвижность взгляда, въ связи съ быстротою движеній, обнаруживаютъ въ нихъ близкое родство съ племенемъ кушитовъ. Они одѣты очень просто: въ темныхъ кафтанахъ изъ верблюжьей шерсти съ высокимъ фесомъ на головѣ. И кто бы могъ узнать въ этихъ продавцахъ ковровъ и бурнусовъ неукротимыхъ сыновъ пустыни, носящихся по песчанымъ пространствамъ на своихъ маленькихъ, но быстрыхъ одногорбыхъ верблюдахъ,—мегари, закутанныхъ въ полосатые бурнусы и съ завязаннымъ чернымъ платкомъ лицемъ, одинъ видъ котораго повергаетъ въ страхъ караваны! Албанцы, гёгги и тоски выдаются своимъ величественнымъ видомъ, правильностью очертаній лица, рѣзко очерченными бровями и густыми рѣсницами, покрывающими голубые глаза; прекрасное ихъ сложеніе особенно выигрываетъ, благодаря богатству національнаго костюма, состоящаго изъ шитой золотомъ куртки, большею частью яркихъ цвѣтовъ, бѣлой широкой фустанеллы, падающей на ноги, покрытыя чѣмъ-то въ родѣ гётровъ, широкаго пояса, за которымъ цѣлый арсеналъ кинжаловъ, ятагановъ и пистолетовъ самой прихотливой формы и богатой отдѣлки; голову они покрываютъ темнокраснымъ фесомъ съ висячей длинной кистью. Движенія албанца въ высшей степени, картинны и благородны; въ немъ виденъ европеецъ, потомокъ индо-германскаго племени. Но вотъ неожиданный гость—персіянинъ, пришедшій изъ далекихъ странъ; онъ не имѣетъ ничего общаго съ своими собратами по торговлѣ. Его гибкая, худощавая фигура, его впалая грудь, тонкія правильныя черты лица, черные увѣнчанные дугообразными бровями глаза, самый головной уборъ его,

изъ-подъ котораго выглядываютъ тщательно приглаженныя букли волосъ, его выкрашенные красной краской концы пальцевъ, въ выраженіи лица что-то доброе, уступчивое, все это обнаруживаетъ въ немъ особый типъ, выработанный самобытной цивилизаціей. Представителемъ турецкой расы является купецъ изъ Бруссы, отличающійся медленностію движеній, вялостію выраженія въ лицѣ, широкими выдающимися скулами и оттопырившимися ушами,—всѣми признаками, обнаруживающими въ немъ монгольское происхожденіе. Жители Багдада, долины Эфрата и армяне имѣютъ много общаго между собою. Это остатки когда-то весьма просвѣщеннаго халдейскаго народа, среди котораго возникло знаніе и искусство и отъ котораго они принесены въ другія страны. Армяне и теперь остаются вѣрными просвѣтительнымъ стремленіямъ своихъ праотцевъ. Они друзья науки и искусства. Лучшіе фотографы и лучшіе архитекторы въ Константинополѣ армяне; они же пользуются большимъ значеніемъ и въ торговомъ мірѣ. Армяне небольшаго роста, имѣютъ правильныя черты лица, прекрасные черные глаза и замѣчательно свѣжій цвѣтъ лица. Съ обновленіемъ Востока на долю армянъ должна выпасть весьма замѣтная роль.

Существовавшія издавна враждебныя отношенія между вошедшими въ составъ Турціи народностями, поддерживаемыя различіемъ расъ и религіозныхъ вѣрованій, способствовали сохраненію индивидуальныхъ отличій каждаго племени. Отличія эти дошли въ своей неприкосновенности и до нашего времени. Такъ — расовыя силы оказались могущественнѣе религіознаго и политическаго объединенія.

Любитель Востока имѣетъ полную возможность собрать на Истамбольскомъ базарѣ самый интересный музей предметовъ искусства не только настоящаго, но и прошедшаго времени. И все это, сравнительно съ цѣнами, существующими въ антикварныхъ и другихъ магазинахъ въ столицахъ Европы, очень не дорого, если только примѣниться къ настоящей стоимости разныхъ монетныхъ единицъ, обращающихся въ Турціи. Но для пріѣзжаго это очень затруднительно. Если вы платите золотомъ, то покупаемая вещь вамъ обходится значительно дешевле. При расплатѣ серебромъ цѣна ея нѣсколько увеличивается. Русскія серебряныя монеты стоятъ выше однозначущихъ монетъ другихъ государствъ. И какое обиліе русской монеты! И рублевики, и уже нигдѣ не показывающіеся 75-копѣечники, и полтинники, и четвертаки! За серебромъ европейскаго чекана, къ которымъ слѣдуетъ отнести и 5 франковые турецкіе махмудіи, идетъ, понижаясь въ цѣнѣ, мелкая размѣнная турецкая монета: это различные бешлыки, пари и т. п.; засимъ слѣдуетъ мѣдная турецкая монета и, наконецъ, турецкія бумажныя деньги—кайме, стоющіе въ настоящее время менѣе 50%!

Вотъ на этой-то разницѣ столь разнообразныхъ цѣнностей обыкновенно и ловится неопытный иностранецъ, и вещь въ самомъ дѣлѣ не дорогая, при расплатѣ за нее, обходится весьма дорого. У мѣнялъ, которыхъ въ Перѣ очень много, вы не добьетесь также точно никакого толку: что ни мѣняльная лавка, то новый курсъ. Есть магазины, которые вывѣшиваютъ объявленія, напечатанныя огромными буквами, что они не принимаютъ другихъ денегъ, кромѣ золота и серебра; другіе предупреждаютъ, что при расплатѣ за товаръ они цѣнятъ кайме только въ 35%!... При столь произвольныхъ условіяхъ цѣнности денегъ, какъ добраться до истины? Въ европейскихъ магазинахъ, гостинницахъ и вообще въ Перѣ и Галатѣ основная монетная единица есть франкъ; за то въ Истамбольскомъ базарѣ безраздѣльно господствуютъ различные бехеюслики, эминлики, ирбехлики, ирмеликъ-меджидіе и піастры.... Купецъ запроситъ за какую нибудь вещь 350 піастровъ, сумму, которая для незнакомаго съ турецкими деньгами покажется страшною; на дѣлѣ же выходитъ, что эти 350 піастровъ представляютъ скромную цифру въ 15 франковъ!...

XII.

Мѣстная политика.—Желѣзные дома англичанъ.—Фанаръ.—Греческая аристократія.—Физіономія улицъ.—Патріаршая церковь.

Сегодня опять зашелъ ко мнѣ Ѳедоръ Николаевичъ. Противъ обыкновенія онъ былъ какой-то грустный и противъ обыкновенія въ чертахъ его лица какъ будто проглядывала искренность. Точно весеннее солнце заставило развернуться и въ немъ добрые инстинкты, дотолѣ бывшіе подъ гнетомъ всякой злобы дня. Въ самомъ костюмѣ его было что-то необычайное и болѣе независимое. На бѣлой, какъ снѣгъ, рубашкѣ навязанъ былъ свѣтло-зеленый галстухъ, яркость котораго умѣрялась черною бородою. Могучіе, классическіе плечи прикрывалъ сѣрый пиджакъ съ розою въ петличкѣ, въ рукахъ небрежно болтались желтая соломенная шляпа и едва примѣтная тросточка. Эмблемы на востокѣ имѣютъ еще большое значеніе и я невольно приготовился услышать что-нибудь особенно интересное. Ѳедоръ Николаевичъ, вопреки обыкновенію, тихо вошелъ, тихо поздоровался, взялъ стулъ, подвинулся на немъ ко мнѣ и повелъ такую рѣчь:

— «Я много думалъ вчера и сегодня о положеніи нашей несчастной Турціи. Страна, не смотря на свои огромныя естественныя богатства, раззорена и едва ли когда поправится. Нѣтъ гарантіи ни для какого предпріятія, никто не можетъ быть увѣренъ въ неприкосновенности своего имущества, и нерѣдко и самой жизни. Вездѣ отсутствіе закона, мѣсто котораго заступилъ самый наглый произволъ. Правительства у насъ нѣтъ, а есть масса плотоядныхъ коршуновъ, которые рвутъ по частямъ наше государственное тѣло. Султана Абдулъ-Азиса обвиняли въ расточительности, въ своеволіи; это такъ, но онъ все-же былъ султаномъ; народъ его уважалъ и видѣлъ въ немъ намѣстника пророка: въ немъ онъ сознавалъ свое политическое могущество. Но англичанамъ и австрійцамъ не понравились слишкомъ частые и совершенно интимныя посѣщенія Н. П. Игнатьевымъ Чераганскаго дворца и бѣднаго султана не стало. Вотъ вы и тогда опоздали. Ah! Vous arrivez toujours trop tard, toujours trop tard, пропѣлъ онъ эту ритурнель, пародируя извѣстные французскіе куплеты. Азиса смѣнилъ Мурадъ, мѣсто Мурада занялъ Абдулъ-Гамидъ, не сегодня завтра Гамида замѣнятъ Рашидомъ, Иззединомъ, можетъ быть, даже Митхадъ-пашей; но все-таки странѣ отъ этого легче не будетъ. Народъ это инстинктивно понимаетъ. Онъ утомленъ до нельзя. Онъ охотно отдастся тому, кто въ состояніи ему обезпечить спокойное существованіе въ

теченіи одного, другого десятка лѣтъ. Россія могла бы даже и теперь занять Галлиполи и Константинополь. Поводы къ этому представились бы сами собой!.. Упустите время, другіе воспользуются!...

— Что-же, побывайте въ Главной Квартирѣ. Тамъ вы можете сообщить ваши предположенія; тамъ имѣютъ возможность все обсудить и взвѣсить, какъ должно...

— «Нѣтъ, этого-то взвѣшиванья я и боюсь. Тутъ нужна рѣшительность, смѣлость. Н. П. Игнатьевъ бы не задумался, если бы только ему не связывали рукъ».

— Ну, а скажите, кого, по вашему мнѣнію, турки охотнѣе желали бы видѣть у себя: Россію или Англію?

— «Безъ всякаго сомнѣнія, Англію. Но не подумайте, что это предпочтеніе отдается Англіи потому, что Турція еще вчера стояла лицомъ къ лицу съ Россіей, съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣтъ, турки умѣютъ уважать побѣдителя и въ своемъ пораженіи видятъ волю Аллаха. Но они сознаютъ, что Англія обладаетъ большимъ могуществомъ и большими средствами распространенія благосостоянія. Поѣзжайте въ Истамбулъ и вы увидите цѣлые кварталы желѣзныхъ построекъ: это дома для бѣглецовъ, уходившихъ отъ русскихъ и искавшихъ спасенія въ Константинополѣ. Такихъ бѣглецовъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ, старухъ и дѣтей всякаго возраста десятки тысячъ!.. Облеченные въ рубища и удрученные болѣзнями они навѣрное погибли бы до одного, если бы не великодушіе или, если хотите, разсчетъ англійской націи. Поистинѣ, съ изумительною быстротою устроены эти прекрасныя помѣщенія со всѣми гигіеническими условіями, мало того, устроены больницы, при которыхъ вы найдете отличный санитарный персоналъ. Нашедшихъ пристанище въ этихъ убѣжищахъ кормятъ, одѣваютъ и лечатъ безплатно. А какія огромныя средства собираются для той же цѣли при помощи концертовъ, лоттерей, базаровъ, кружекъ, и все тѣми же англичанами! Народъ не можетъ не знать, кому онъ обязанъ спасеніемъ десятковъ тысячъ своихъ. Тѣмъ не менѣе теперь онъ примирился бы и съ русской властью, лишь бы ему скорѣе избавиться отъ собственной безурядицы».

— Ну, что же тогда будетъ съ вашей великой идеей, если русскіе займутъ Константинополь?

Мой собесѣдникъ не ждалъ этого вопроса и задумался на минуту; но вслѣдъ за этимъ отвѣтилъ:

— «Русскіе возстановятъ въ Константинополѣ тронъ Палеологовъ и посадятъ на него одного изъ членовъ своей царствующей династіи; такимъ образомъ осуществится планъ вашего Потемкина

и вашей великой императрицы... а съ этимъ осуществится и наша великая идея».

— Знаете что, сказалъ я ему на это,—пока наступитъ осуществленіе вашей великой идеи, посѣтимъ еще Фанаръ, гдѣ живутъ ваши соотечественники, да зайдемъ осмотрѣть патріаршую церковь.

Сказано—сдѣлано, и мы снова въ каикѣ, который плавно скользитъ по зеркальной поверхности Золотого Рога. Мы держимся середины залива. Съ правой стороны возвышается древняя Генуэзская башня въ Галатѣ, съ куполомъ, покрытымъ окислившеюся зеленою мѣдью; съ лѣвой, почти напротивъ, башня Сераскиріата, съ которой открывается видъ на всѣ части Константинополя и на которой подымаются пожарные сигналы. Въ Фанарѣ поселилась греческая финансовая аристократія; тамъ же, по словамъ Ѳедора Николаевича, основалась и аристократія имени,—потомки Палеологовъ, Дуки, Кантакузеновъ и др. Какого-то Комнена я встрѣтилъ въ С.-Стефано, смиренно продававшаго фотографическія карточки. Вообще къ этимъ историческимъ именамъ, встрѣчаемымъ между современными греками, слѣдуетъ относиться осторожно. Ихъ не много оставалось уже при послѣднихъ императорахъ Палеологахъ. Подобно тому, какъ въ послѣднія времена Рима, разные наемники и вольноотпущенники, возвеличиваемые прихотью кесарей, постоянно отодвигали на задній планъ старинные римскіе роды, въ Византіи имѣли то-же значеніе люди новые. Императоры довѣряли начальство надъ войсками и охраненіе границъ имперіи чужеземцамъ. Уже съ IV столѣтія тѣлохранителями являются готы; за ними идутъ норманны. Владычество латинянъ еще болѣе отодвинуло греческія родовитыя фамиліи, разсѣявъ ихъ по разнымъ странамъ Малой Азіи, въ Трапезундѣ, Никеѣ, Кипрѣ и по другимъ мѣстамъ. Послѣ взятія Константинополя турками, султанъ Магометъ разными льстивыми обѣщаніями заставилъ византійскаго великаго адмирала Натару составить списокъ всѣмъ знатнымъ лицамъ имперіи и приказалъ всѣхъ ихъ предать смерти; за голову каждаго знатнаго лица онъ платилъ по тысячѣ аспровъ. Преемники Магомета держались той-же политики. Устрашенные этими жестокостями всѣ, кому только было возможно, не задумывались бѣжать изъ Константинополя и искали новаго для себя отечества въ Италіи и во Франціи, куда приносили съ собою любовь къ произведеніямъ древней греческой цивилизаціи. Въ XVII столѣтіи среди греческаго (фанаріотскаго) населенія Истамбола начинаютъ возвышаться нѣкоторыя фамиліи, именно тѣ, которыя своимъ угожденіемъ пріобрѣтали расположеніе турецкаго правительства и получали отъ него въ управленіе, въ качествѣ господарей и князей, Молдавію, Валахію и нѣкоторые острова Архипелага. Что-же ка-

сается до историческихъ именъ, носимыхъ этими лицами, то въ этомъ должно видѣть стремленіе выдѣлять себя изъ одноцвѣтной среды соплеменниковъ и связать случайно пріобрѣтенное могущество съ судьбами Византіи. И это тѣмъ болѣе представлялось осуществимымъ, что греки уже перестали возбуждать подозрѣніе турецкаго правительства и имена, напоминавшія время восточныхъ кесарей, болѣе не преслѣдовались.

Въ этихъ размышленіяхъ мы причалили къ берегу и стали подыматься по узкой улицѣ, окаймленной по обѣ стороны деревянными домами съ нависшими этажами. Здѣсь сейчасъ замѣтно отсутствіе мусульманскаго населенія: открытыя и ничѣмъ незавѣшенныя окна, вокругъ которыхъ обвивается виноградная лоза, и въ нихъ, точно какъ въ рамѣ картины, прекрасное лицо женщины, безъ робости, но и безъ нахальства останавливающее свои черные глаза на проходящихъ. Повернувъ налѣво и идя въ гору, мы вошли въ улицу, которую, по красотѣ построекъ, можно назвать почти лучшею въ Константинополѣ. Всѣ дома сложены изъ камня, съ прекрасными рѣзными выдающимися балконами, или же просто каменными лѣстницами; другіе по своей массивности и по рѣшеткамъ на окнахъ напоминаютъ замки средневѣковыхъ феодаловъ.

Послѣ занятія Константинополя турками, всѣ его жители были въ глазахъ завоевателей не болѣе какъ стадомъ, райями. Тѣмъ не менѣе грекамъ было оставлено нѣсколько церквей и утверждено за духовенствомъ право духовнаго управленія паствою. Впослѣдствіи греки съумѣли расположить къ себѣ турокъ до такой степени, что правительство избирало преимущественно изъ нихъ господарей Молдавіи и Валахіи; а греческихъ митрополитовъ и епископовъ назначало, наравнѣ съ пашами, членами областныхъ совѣтовъ (меджлисовъ). Это продолжалось до 1820-хъ годовъ, пока въ средѣ фанаріотовъ не бродили еще идеи о независимости Эллинскаго народа. Послѣдовавшее затѣмъ возстаніе и борьба грековъ за независимость, явное покровительство имъ со стороны Россіи и Наваринская битва, заставили турокъ быть осмотрительнѣе. Тѣмъ не менѣе греки въ Константинополѣ, какъ и во всей Турціи, пользуются полною свободою вѣроисповѣданія и правительство охотно ихъ поддерживаетъ, видя въ нихъ естественныхъ антагонистовъ пробуждающихся славянскихъ народовъ.

Въ Фанарѣ имѣетъ пребываніе архіепископъ Константинопольскій, патріархъ вселенскій. Онъ живетъ въ деревянномъ трехъ-этажномъ выкрашенномъ въ темный цвѣтъ домѣ. Со времени занятія русскими войсками окрестностей Константинополя, патріархъ нигдѣ не показы-

вается. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, его святѣйшество серьезно боленъ, но есть лица, которыя объясняютъ это упорное заключеніе нежеланіемъ видѣться съ главнокомандующимъ русской арміей, которая, защищая и возстановляя болгаръ, дѣйствуетъ, по мнѣнію грековъ, вопреки ихъ (грековъ) національнымъ интересамъ. Нерасположеніе къ русскимъ еще сильнѣе должно чувствовать греческое духовенство, со времени образованія, при содѣйствіи Россіи, автокефальной болгарской церкви.

Тутъ же возлѣ дома патріарха находится каѳедральная патріаршая церковь. Она не велика. Ея внѣшность не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера и болѣе всего напоминаетъ наши деревенскія церковныя постройки. Внутри вокругъ стѣнъ идутъ, почти въ ростъ человѣка, разныя деревянныя накладки съ витыми вызолоченными колонами. Многочисленныя хрустальныя лампы свѣшиваются съ самаго купола. Церковь распредѣлена по направленію отъ иконостаса и до западныхъ вратъ на три части, отдѣленныя одна отъ другой довольно высокими деревянными рѣшетками. Средняя часть исключительно назначена для духовенства: по правую сторону недалеко отъ амвона находится тронъ патріарха, осѣненный византійскимъ двуглавымъ орломъ; этотъ тронъ, какъ говорятъ, одинъ изъ тѣхъ, которые находились въ храмѣ св. Софіи. Онъ изъ темнаго орѣха съ перламутровыми инкрустаціями. Вверху на спинкѣ его находится изображеніе Верховнаго Патріарха, самого Господа Іисуса Христа, въ патріаршемъ облаченіи, очень тонкой древней живописи. Рядомъ съ мѣстомъ вселенскаго патріарха стоятъ одно возлѣ другаго два сѣдалища нѣсколько меньше другихъ восточныхъ патріарховъ, за которыми идутъ мѣста митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. По другую сторону, напротивъ патріаршаго трона, стоитъ вызолоченное кресло русскаго посла, какъ представителя Россіи, защитницы православія; рядомъ съ нимъ—опять мѣста восточныхъ патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ. Эти паралельно поставленныя сидѣнія высшаго духовенства кончаются почти у самыхъ западныхъ вратъ. Свободная средина между рядами сидѣній занимается низшимъ духовенствомъ. Воображаю себѣ то грандіозное зрѣлище, которое представляетъ служеніе всѣхъ представителей православія вмѣстѣ! Воображаю потрясающее величіе большаго выхода!.. Въ другихъ отдѣленіяхъ по правую сторону помѣщаются мужчины, по лѣвую женщины. Иконостасъ вызолоченъ: онъ не особенно высокъ. Одна изъ намѣстныхъ иконъ, съ изображеніемъ пресвятой Дѣвы, сдѣлана изъ цвѣтной мозаики по золотому фону; такая же икона св. первомученика Стефана находится въ правомъ предѣлѣ. И ихъ считаютъ вынесенными изъ Софійскаго храма. Въ церкви покоятся мощи блаженной Анны. Поклонившись святынѣ, я пожелалъ сопро-

вождавшему насъ протодіакону, чтобы скорѣе возсіялъ надъ Софіею крестъ, а подъ сводами храма раздалось торжественное «Тебѣ Бога хвалимъ», и чтобы всѣ православные русскіе, греки и славяне едиными устами и помышленіемъ славили въ немъ пресвятое имя Божіе....

Солнце было на закатѣ, когда отчалилъ нашъ каикъ. Косыми лучами оно пронизывало воду, освѣщая въ ней то изумрудно-зеленыя, то сине-лазоревыя волны. Отъѣхавъ саженъ пятьдесятъ, мы встрѣтили каикъ, управляемый двумя сѣдобородыми монахами. На почетномъ мѣстѣ, убранномъ краснымъ ковромъ, полулежалъ монахъ съ темными волосами и небольшой раздвоенной бородою; онъ напоминалъ ликъ Спасителя; у руля сидѣлъ юноша, съ чертами ангела и съ распущенными по плечамъ золотистыми кудрями. То были протосингелъ патріарха и его иподіаконъ. Тихо, спокойно пронеслись они мимо насъ, точно видѣніе первыхъ временъ христіанства, и исчезли въ голубоватомъ облакѣ вечернихъ испареній.

XIII.

Образованность турокъ.—Учебныя заведенія.—Книгохранилища и книжные магазины.—Газеты.

По ознакомленіи съ внѣшнею стороною Константинополя, насколько позволило время, насъ увлекала еще мысль собрать свѣдѣнія объ умственной сторонѣ столицы султановъ, и о тѣхъ учрежденіяхъ и средствахъ, которыя составляютъ принадлежность мѣстнаго интелигентнаго общества.

Судить объ умственномъ развитіи турокъ съ точки зрѣнія европейской науки едва-ли было бы справедливо. Ихъ образованіе не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ европейца; оно шло и развивалось своимъ отдѣльнымъ путемъ, на которомъ указанія черпались изъ Корана. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Турціи образованіе поощряется и что дѣти проводятъ за книгою гораздо болѣе времени, чѣмъ это положено у насъ для дѣтскаго возраста. Нѣтъ почти мусульманина, которому не были бы извѣстны главнѣйшіе догматы его вѣры, жизнь Магомета и существеннѣйшія толкованія учителей закона. И не смотря на трудность изученія турецкаго языка, въ связи съ которымъ находится знакомство съ языкомъ арабскимъ, а также весьма сложное усвоеніе шести способовъ [1]) турецкаго письма, рѣдко можно встрѣтить между турками неграмотнаго. Долго школьное образованіе сосредоточивалось въ рукахъ магометанскаго духовенства и имѣло характеръ исключительно религіозный и отчасти литературный. Но въ 1845 г. послѣдовалъ султанскій фирманъ, которымъ повелѣвалось, чтобы обученіе было приготовленіемъ къ общественной и служебной дѣятельности, и чтобы къ предметамъ, относящимся къ изученію религіи, были присоединены и науки, способствующія къ полученію свѣтскаго практическаго образованія. По послѣднимъ отчетамъ, въ Константинополѣ находится болѣе 400 первоначальныхъ школъ, которыя посѣщаютъ около 30 тысячъ дѣтей обоего пола. Предметы обученія суть: чтеніе, письмо, счетъ, практи-

---

[1]) а) Нессикъ, употребляемый для переписки Корана и другихъ св. книгъ.
б) Сулузъ, для декоративныхъ украшеній.
в) Дивани, служащій для оффиціальныхъ актовъ.
г) Таликъ, употребляемый въ судахъ.
д) Зіакухъ, въ употребленіи по финансовой части и
е) Рекга, служащій для торговой и частной переписки.

ческое ученіе о нравственности и религія. Обученіе въ первоначальныхъ школахъ признано обязательнымъ и притомъ безплатнымъ. Послѣ изученія предметовъ первоначальнаго курса, продолжающагося обыкновенно пять лѣтъ, желающіе продолжать ученіе могутъ поступить въ среднія учебныя заведенія Мехтеби-рахдіе, гдѣ преподаются: грамматика и арабскій синтаксисъ, орѳографія, стилистика и ученіе о сочиненіи; священная исторія, исторія оттомановъ и всеобщая исторія, географія, ариѳметика и элементарная геометрія. Обученіе также безплатно. Учители избираются какъ изъ сословія улемовъ, такъ и изъ другихъ сословій. Содержаніе школъ, а также покупка книгъ и учебныхъ пособій для учащихся относятся на счетъ суммъ правительства. Для высшаго образованія въ Константинополѣ есть нѣсколько спеціальныхъ школъ. Гражданское техническое училище, состоящее изъ двухъ отдѣленій: училища при мечети Ахмета, и училища при мечети Сулеймана. Программа этого учебнаго заведенія та же, что и программа среднихъ школъ, только нѣсколько расширенная. Императорская медицинская академія, при которой издается Константинопольская медицинская газета. Наконецъ, къ этому разряду учебныхъ заведеній слѣдуетъ причислить военную, артиллерійскую, инженерную и морскую школы, комерческое и ветеринарное училища. Кромѣ этихъ заведеній въ Константинополѣ существуютъ еще частныя учебныя учрежденія для дѣтей обоего пола; это: лицей и коллегіи, состоящія въ вѣдѣніи французскаго посольства и имѣющія конфессіональное направленіе; протестантскій американскій коллегіумъ Roberts College и друг. Къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного заведенія, поддерживающаго русское вліяніе...

Изъ этого перечня учебныхъ заведеній видно, что если не вездѣ въ Турціи, то по крайней мѣрѣ въ столицѣ ея существуетъ полная система народнаго образованія, и что подданные султана, начавъ свое обученіе въ школахъ грамотности, могутъ его закончить высшими науками и притомъ по различнымъ спеціальностямъ. Но на дѣлѣ выходитъ, что не только высшимъ, но даже и среднимъ обученіемъ турки пользуются очень мало, а ограничиваются преимущественно обученіемъ въ первоначальныхъ школахъ подъ руководствомъ своего духовенства, относящагося не совсѣмъ доброжелательно къ свѣтскимъ наукамъ. Исключеніе изъ этого дѣлаютъ одни военноучебныя заведенія, имѣющія нѣкоторый интересъ для мусульманъ, приготовляющихъ себя къ военной службѣ. Во всѣхъ другихъ училищахъ, большинство учащихся составляютъ греки-пероты и армяне. Къ этому должно прибавить, что богатые турки стали довольно часто отправлять

своихъ дѣтей для обученія въ Парижъ, Лондонъ и Вѣну. Говорятъ, что вообще турецкія школы страдаютъ недостаткомъ хорошихъ преподавателей и отсутствіемъ правильнаго наблюденія за преподаваніемъ.

Въ Константинополѣ находится не мало книгохранилищъ, значительное число которыхъ принадлежитъ мечетямъ. Изъ нихъ около сорока открыты ежедневно для публики. Въ этихъ книгохранилищахъ размѣщены преимущественно рукописи по части магометанскаго вѣроученія, обычнаго права и философіи, а также произведенія восточной поэзіи и сочиненія историческія. Меня увѣряли, что въ библіотекѣ Сарай-Бурну есть рукописи на греческомъ и латинскомъ языкахъ, между которыми, по всей вѣроятности, европейскіе ученые нашли бы не мало драгоцѣннаго по части литературы древняго міра. Въ мечети Магомета II находится 4,000 рукописей и около 2,000 печатныхъ книгъ. Засимъ болѣе значительныя книгохранилища находятся при мечетяхъ Св. Софіи, Сулейманіе, Османіе и Абдулъ-Гамида. Между библіотеками частныхъ лицъ особенно замѣчательны собранія книгъ и рукописей Кипризли-Ахметъ-паши и Рахибъ-паши, преимущественно по классическимъ литературамъ. Книжная торговля находится въ Перѣ, въ двухъ небольшихъ лавочкахъ: Вейса, кажется, вѣнца, и двухъ грековъ Мораито и Василикопуло. Любителя серьезнаго чтенія они не могли бы удовлетворить; за то самые новые французскіе романы выставляются въ нихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ. По отзыву книгопродавцевъ въ Константинополѣ, французскіе романы имѣютъ огромный сбытъ преимущественно между прекрасной половиной его жителей. Въ гаремахъ султановъ и пашей они разбираются на расхватъ. Книги въ Константинополѣ очень дороги, чему причиною, какъ говорятъ, довольно высокая пошлина на нихъ, наравнѣ съ предметами роскоши! На Востокѣ еще и теперь книга есть роскошь! Газетная пресса имѣетъ значительное число представителей въ столицѣ падишаха,—газетъ, издающихся на многихъ языкахъ. Каждая изъ газетъ защищаетъ интересы какой-либо европейской державы, имѣющей сношенія съ Турціей. Такъ Levand Herold и Constantinople Messenger поддерживаютъ англійское вліяніе и пресловутые англійскіе интересы; le Phare du Bosphore сочувствуетъ Франціи, Courrier d'Orient склоняется въ пользу славянъ, Turquie, оффиціозная газета турецкаго правительства, поддерживаетъ интересы Турціи; газеты Бассиретъ и Вакитъ, издающіяся на турецкомъ языкѣ, имѣютъ въ виду мусульманскую публику и обсуждаютъ событія съ ея точки зрѣнія. Газета «Вакитъ» издается Мурадъ-Беемъ, русскимъ черкесомъ, воспитанникомъ ставропольской гимназіи; она придерживается либеральнаго направленія. До войны издавались три болгарскія

газеты; въ настоящее время нѣтъ ни одной, какъ нѣтъ ни одного изъ ихъ редакторовъ и сотрудниковъ: они всѣ эмигрировали или сосланы. Засимъ существуютъ еще три газеты на итальянскомъ языкѣ, одна на греческомъ и одна на армянскомъ. Большинство константинопольскихъ газетъ получаютъ субсидію отъ турецкаго правительства и отъ посольствъ, интересамъ которыхъ онѣ служатъ. Неизвѣстно, поддерживало ли какую изъ этихъ газетъ наше посольство; но своего особеннаго органа оно не имѣло. Во время составленія и подписанія С.-Стефанскаго договора, турецкая оффиціозная газета Turquie, а вслѣдъ за нею и другія, до такой степени были проникнуты пріязнію ко всему русскому, что можно было предположить, что онѣ издаются въ одномъ изъ нашихъ городовъ и притомъ подъ благодѣтельнымъ руководствомъ предварительной цензуры: и наши войска, и всѣ наши внѣшніе и внутренніе порядки представлялись такими, какихъ лучше и на свѣтѣ нѣтъ, а дружба Турціи къ Россіи уподоблялась по своей прочности камню адаманту... Что это означало? Неужели же одно желаніе отвести намъ глаза? Или же и въ самомъ дѣлѣ мы имѣли тогда между турками искреннихъ приверженцевъ? Я готовъ допустить скорѣе послѣднее.

XIV.

Отъѣздъ изъ Константинополя.—Немного политики на прощанье.—Пароходъ „Юнона".—Прибытіе въ Одессу.

Но настала пора проститься съ Константинополемъ и подвести итогъ ощущеніямъ, которыя были возбуждены событіями, приведшими къ стѣнамъ его русскую армію.

.... Восточный вопросъ не разрѣшенъ и въ этотъ разъ, и потому ему предстоитъ, въ очень недалекомъ будущемъ, возникнуть снова. Тогда, быть можетъ, христіанскія народности Турціи сгруппируются по своимъ національностямъ въ самостоятельныя политическія единицы и получатъ право и возможность жить и развиваться, согласно съ своими природными стремленіями. Центръ тяжести турецкой имперіи долженъ будетъ перемѣститься въ Малую Азію, если только владѣніе этой богатой страной и ея близость къ Индіи не возбудятъ вожделѣній Англіи; а можетъ быть и какая нибудь другая западная держава пожелаетъ втянуть эту страну въ сферу своихъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ турецкому султану придется довольствоваться однимъ Истамболомъ и его округомъ, подобно тому, какъ это было съ византійскими императорами, въ послѣднее время имперіи. Не нужно быть пророкомъ, а стоитъ только вдуматься въ совершающіяся событія, чтобы увидѣть этотъ неумолимый ходъ историческаго предопредѣленія.

Трудно теперь сказать, какое положеніе среди этихъ обстоятельствъ пріобрѣтетъ для себя Россія? Все будетъ зависѣть отъ степени сознанія нашихъ историческихъ и національныхъ задачъ и отъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми мы будемъ обладать въ нужное время. Зная это, каждый русскій долженъ желать, надѣяться и работать, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, для осуществленія великой исторической роли нашего отечества.

Въ Константинополѣ насъ ожидаетъ постоянная дѣятельная борьба и прежде всего борьба съ англичанами. Наше и англійское вліяніе, эти два противуположныя теченія, будутъ безпрестанно увлекать турокъ въ томъ или другомъ направленіи. Ловкости нашихъ дипломатовъ будетъ предстоять доказать турецкому правительству, что его существованіе вѣрнѣе обезпечивается въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей. Австро-Венгрія, увлекаемая рокомъ, будетъ, въ свою очередь, мѣшать планамъ Россіи, относительно организаціи балканскихъ славянъ. Съ самаго начала турецкой войны, газеты упорно говорятъ о намѣреніи ея занять Боснію и Герцеговину, съ цѣлію не допустить на своихъ

границахъ образованія значительнаго славянскаго государства. И, по всей вѣроятности, она исполнитъ это. Но эта боязнь, испытываемая австрійскими государственными людьми, противорѣчитъ не только исторіи, но даже и самой природѣ Балканскаго полуострова. Вся мѣстность средняго теченія Дуная до Марицы разрѣзана высокими горными кряжами на небольшіе отдѣленные другъ отъ друга участки; на нихъ съ давнихъ поръ осѣли разныя народности и, повинуясь физическимъ условіямъ своихъ странъ, никогда не могли достигнуть обобщенія своихъ интересовъ, и даже большею частью находились въ враждебныхъ отношеніяхъ между собою. Такъ болгаре никогда не могли сойтись съ сербами; короли боснійскіе постоянно враждовали съ королями сербскими; какъ Боснія, такъ и Сербія недружелюбно смотрѣли на область Св. Саввы, а князья Захолмскіе воевали съ князьями Неретванскими; Дубровникъ не ладилъ съ Далмаціей... Ихъ не могло соединить даже сознаніе общей опасности, во время нашествія турокъ. Въ свою очередь, албанцы воевали съ сербами и болгарами съ одной, и съ греками съ другой стороны. Присоединеніемъ Босніи и Герцеговины Австро-Венгрія сдѣлаетъ большую политическую ошибку. Она усилитъ въ своемъ составѣ славянскую народность, и притомъ усилитъ ее элементомъ враждебнымъ: ни въ Босніи, ни въ Герцеговинѣ не забудутъ, что у нихъ прежде другихъ вспыхнула искра свободы и что между балканскими славянами они одни не получили ея. Это раздраженіе народныхъ страстей можетъ сдѣлаться источникомъ большихъ затрудненій для соединенной монархіи.

Также точно мы должны встрѣтить на пути нашихъ общеславянскихъ интересовъ и Германію. Германія только начала строиться и будетъ строиться еще долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она не успѣетъ соединить всѣ свои разбросанныя части. Но такъ какъ это придется сдѣлать на счетъ Австріи, то въ интересѣ Германіи поощрять ея движеніе на Балканскій полуостровъ, съ выходомъ въ Салоникскій заливъ или даже въ Мраморное море, какъ вознагражденіе за утраченныя собственно нѣмецкія провинціи. При томъ существованіе Австріи Германія будетъ признавать необходимымъ, какъ сдерживающую силу по отношенію къ панславизму въ борьбѣ съ пангерманизмомъ...

Угрожающія намъ опасности велики и онѣ, какъ тучи, надвигаются со всѣхъ сторонъ. Но намъ нечего страшиться, если въ нашемъ сознаніи, повторяемъ это, ясно опредѣлены наши историческія и національныя задачи и если наша частная и государственная дѣятельность будетъ точно согласована съ ними....

8-го марта 1878 г. пришлось оставить Константинополь.

Пароходъ русскаго общества пароходства и торговли «Юнона» уже стоялъ подъ парами и принималъ множество пассажировъ. Ѳедоръ Николаевичъ и Манейя встрѣтили меня у агентства, и напутствовали самыми лучшими желаніями. Г. Манейя пожелалъ проводить меня на самую палубу парохода и вошелъ со мною въ каикъ. Эта любезность съ его стороны выручила меня изъ весьма затруднительнаго положенія. Не доѣзжая парохода, намъ перерѣзалъ путь турецкій служебный каикъ, наполненный таможенными чиновниками. Старшій изъ нихъ требовалъ осмотра вещей. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что турки взимаютъ пошлину за предметы ввоза и вывоза. Что тутъ дѣлать? Не открывать же сундуки въ морѣ! Выкладывая и укладывая вещи, можно было и не поспѣть на пароходъ. Видя мое затрудненіе, г. Манейя взялъ у меня 2 франка и передалъ ихъ представителю турецкихъ финансовъ, на грозномъ лицѣ котораго мгновенно засіяло самое доброжелательное выраженіе.... О могучая сила! Ты одна и та же подъ всѣми широтами: носишь-ли ты названіе бакшиша или просто благодарности! И успѣшнѣе всякихъ дипломатовъ ты превращаешь самыя враждебныя настроенія въ чувства расположенія и даже пріязни!... Совершивъ этотъ актъ, сопровождающій, какъ говорятъ, всѣ сношенія съ турецкимъ чиновнымъ міромъ, мы безпрепятственно достигли парохода. Тамъ еще грузились. Ѣдущихъ было много. Въ ожиданіи окончательныхъ формальностей заключенія мира представлялось весьма естественнымъ стремленіе ѣхать на родину. Нетерпѣніе увидѣть и обнять близкихъ сердцу, послѣ разлуки, исполненной столькихъ тревогъ и опасностей, у многихъ превращалось въ настоящую болѣзнь. А больнымъ главная квартира разрѣшала отпуски. Въ 4 часа раздался третій звонокъ. Настала минута прощанія и я пожалъ руку моему спутнику среди достопримѣчательностей Константинополя. Прощальный свистъ машины пронесся эхомъ по водамъ, колеса завертѣлись, взбивая бѣлую пѣну, и нашъ пароходъ началъ медленно подвигаться среди судовъ, направляясь къ Босфору, Снова пронеслись передъ нашими глазами великолѣпныя картины, стоящія подобно декораціямъ на обоихъ берегахъ. Но въ этотъ разъ, производимое ими очарованіе не въ силахъ было заглушить чувство грусти, возбуждаемое мыслью, что это великолѣпіе прикрываетъ только одни элементы разрушенія, точно гробъ, повапленный и наполненный костями.... Что ожидаетъ Константинополь, самою природою созданный для столицы великаго народа? И кому будетъ суждено вызвать его къ новой жизни, — въ настоящее время никто не можетъ сказать....

Пройдя мимо величественныхъ башенъ Румели-Гиссаръ и Бочазъ-

Кезенъ, замыкавшихъ при первыхъ султанахъ входъ въ Истамболъ, и полюбовавшись въ Буюкъ-Дере лѣтнимъ помѣщеніемъ нашего посольства, окруженнымъ густымъ паркомъ, мы стали приближаться къ выходу въ Черное море. Въ Босфорѣ было тихо, не смотря на сильный противный намъ вѣтеръ. Но на скалахъ симплегадскихъ были уже замѣтны сильные розмахи волнъ, что не обѣщало спокойнаго плаванія. Впрочемъ, если блаженной памяти Язону, стремившемуся въ Колхиду, удалось благополучно пройти эти мѣста и достигнуть своей цѣли, то почему же къ намъ судьба окажется менѣе благопріятною? Деркосъ, небольшое селеніе на выдающемся мысу, у котораго кончается Босфоръ. Въ этомъ же мѣстѣ оканчивается стѣна, сооруженная императоромъ Анастасіемъ для защиты Византіи отъ варваровъ.

Покачиваясь со стороны на сторону, нашъ пароходъ вошелъ въ наше Черное море. Водяное пространство представлялось въ этотъ разъ до крайности тоскливымъ. Волны, точно повинуясь скрытому механизму, движутся, подымаются и разбиваются въ какой-то безплодной тревогѣ. Однообразіе начинаетъ утомлять зрѣніе, на которое скоро перестаетъ дѣйствовать игра свѣтовыхъ лучей. Съ невыразимою отрадою утомленное воображеніе встрѣчаетъ малѣйшій предметъ, гдѣ бы мысль могла остановиться. Такъ перелетныя птицы садятся на мачту корабля, чтобы перевести духъ и запастись новыми силами. Цѣлыя сутки носились мы, повинуясь прихотливой игрѣ стихіи. Быстрые толчки, при которыхъ трудно было устоять, паденіе съ высоты въ неизвѣданную глубину, заставлявшее замирать сердце, почти человѣческій стонъ парохода, все это было испытано нами въ достаточной мѣрѣ. Каютъ-компанія опустѣла; вмѣсто еще недавно оживленнаго говора, послышались звуки бьющейся посуды. Но какъ въ этомъ мірѣ всему есть конецъ, то насталъ конецъ и нашимъ мученіямъ. Раннимъ утромъ, на третій день, стала обрисовываться Одесса, покрытая, къ нашему удивленію, бѣлымъ саваномъ недавно выпавшаго снѣга. Капитанъ приказалъ уменьшить ходъ и мы начали медленно втягиваться на Одесскій рейдъ. А на встрѣчу намъ шелъ огромный пароходъ «Цесаревна», въ сопровожденіи одной изъ поповокъ. На пароходѣ развѣвался красный турецкій флагъ. То выѣзжали изъ Россіи Савфетъ-паша съ ратификованнымъ С.-Стефанскимъ договоромъ и Османъ-паша, получившій свободу. Невольно вспомнилось все пережитое въ послѣднее время и тревожный вопросъ: «что-то выйдетъ изъ этого?» самъ собою приходилъ на уста...

Кн. В. Д. Дабижа.